

A photograph of a sunset over a body of water. A wooden boardwalk leads from the foreground into the water. The sun is low on the horizon, creating a bright lens flare that streaks across the sky. The sky is a mix of dark blue and orange. There are reeds and a few trees in the background.

Андрей Белов

За гранью

Записки из
сумасшедшего дома

2023

Андрей Викторович Белов
За гранью. Записки из
сумасшедшего дома

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69155314

SelfPub; 2023

Аннотация

Где та грань, после которой реальное переходит в виртуальное?
Поймем ли мы когда-нибудь законы разума?

Содержание

Мама	4
Попутчик	14
Не навреди	29
Традиции	57
Шаг в вечность	67
Полнолуние	105
Бесы. Огни большого города	111
Симбиоз	132

Андрей Белов

За гранью. Записки из сумасшедшего дома

Мама

Нигде, кроме психиатрической больницы, нет той особой ауры, той тишины и того спокойствия, которые привносят сюда специфические пациенты и психотропные препараты. Люди, измученные различными страхами, навязчивыми мыслями, подозрительностью... вдруг успокаиваются, освобождаясь от своих мыслей, а заодно и от проблем. Нет более подходящего, тихого и уединенного места для того, чтобы погрузиться в свое «я». Здесь можно полностью уйти из той – прежней – жизни, где ты кем-то был или не был никем, где у тебя были какие-то отношения, права и обязательства, можно забыть имена не только близких, но и свое собственное. Все это в этом удивительном уголке бытия, с новой точкой отсчета, не имеет никакого значения и уходит в небытие. В этих стенах, с решетчатыми окнами, начинается твоя, и только твоя новая жизнь и заканчивается прежняя, о которой даже нельзя сказать, была ли та жизнь. В этом месте можно го-

ворить все что угодно и молчать о чем угодно. Жизнь после жизни. Нередко побывавшие здесь стремятся попасть сюда вновь и вновь. Лишь страх остаться в этих стенах навсегда – навсегда порвать любые сношения со всем внешним миром – вынуждает тех, у кого еще осталась хоть маленькая искорка веры, надежды или любви, с грустью и страхом, постоянно оглядываясь, покидать это место. Жизнь в психиатрической больнице отличается своей вечной предсказуемостью и отсутствием надуманной суеты: очередей в магазинах, будильника, ежедневной встречи с опостылевшим начальником и не менее надоевшими сотрудниками, ежевечернего «здрaсте» старушкам, сидящим у твоего подъезда, и многого другого. Здесь жизнь проста и наполнена только естественными потребностями, а еще тем, что надо склеить несколько конвертиков на трудотерапии и иногда наврать что-нибудь лечащему врачу (так он себя называет), который сам не знает, от чего лечит (впрочем, это всем, включая его самого, совершенно неважно). Нет желания ни читать, ни писать, ни даже думать, поскольку думать не о чем, да и нечем: все извилины давно выпрямлены психотропными пилюлями. Но что-то главное, глубоко-глубоко в подсознании каждого пациента, все же остается в голове. Оно, это главное, уже само по себе оторвано от того мира и не имеет никакого отношения к этому миру. Каждый держит это «нечто» внутри себя. Возможно, когда-то это были любовь, ненависть, обида или что-то еще... – не к кому-то конкретно, а сами по себе, по-

сколько давно стерлись из памяти истоки их возникновения. Это была суть данного человека, позволяющая ему отличать себя от других.

Сколько удивительных и трагичных историй о судьбах, нашедших здесь «гармонию души», могли бы рассказать стены этой больницы!

Пациенты звали его Алексей, медперсонал – Алексей Леонидович.

Обычным его занятием было покачивание взад-вперед, сидя на койке, которая стояла в самом дальнем от двери углу палаты. Если не вставать с койки, то окна видно не было – только подоконник, и можно было представить себе, что мир, вся вселенная ограничиваются вот этим самым подоконником.

Время здесь измерялось выкриками дежурных медсестер или санитарок: «Принимать лекарства», «На процедуру»... Время шло по кругу, замкнутому раз и навсегда. Алексей Леонидович считал, что прожил ту, свою прежнюю жизнь всю до конца, без остатка. Он сделал все, что мог; он сказал все, что хотел сказать, а если и нет, то... его все равно не хотели услышать; он уже промолчал обо всем, о чем не хотел говорить. Здесь его жизнь складывалась заново и по-новому. Детей и родственников у него не было, бывшую жену и бывших сотрудников он не узнавал. В больнице он заявил, что не помнит о себе ничего, и просил называть его Алексеем

Леонидовичем.

В детстве, когда Алеше было восемь лет, не стало мамы. За неделю до этого отец увез его к своим знакомым и вернул домой еще через десять дней. Несколько дней Алеша молча ходил по комнатам, сидел у окна, перебирал фотографии в семейных альбомах. Спустя какое-то время единственное, что он тихо сказал отцу, было: «Мама больше не придет». Это не был вопрос, и отец промолчал.

После этих событий Алеша начал меняться: он перестал смеяться, играть со сверстниками, ходить гулять на улицу – он как будто о чем-то все время думал. Отец догадывался – о маме. Для Алеша мама была всем: его вселенной, его связью с остальным Миром. Она была его звездой, вокруг которой вертелось все его маленькое существо – его опорой и его защитой. Потеряв все это, он очутился в пустом для него пространстве.

Позже отец водил сына по врачам и всегда слышал одно и то же: «У мальчика есть определенные психические отклонения, время, как говорится, лечит, но... надо бы полежать в больнице». Отец смотрел на сына, но тот всегда отвечал: «Психиатрической? Никогда!» И отец отступал и старался создать атмосферу любви, тепла в их маленькой семье, но каждый раз понимал, что не заменит Алеше мать. И для отца эта женщина была светом в окошке. Отец рано поседел, состарился и покинул Алексея после двух инфарктов, случив-

шихся один за другим.

Так Алексей оказался в интернате.

Взрослея, он начал заполнять пустоту книгами и учебой; он быстро стал одним из первых в классе, а затем и в школе; особый интерес и талант у него проявился к математике и физике – по этим предметам он шел на год-два впереди своих сверстников и изучал их по учебникам для старших классов. Друзей у него не было. Все свободное время он отдавал чтению – к двенадцати годам он прочитал всего Достоевского, а к тринадцати – и его дневники, и мемуары о нем современников. Алексей твердо был уверен в том, что мир не цветной и даже не черно-белый – серый. Он замечал за собой неадекватность мыслей и поступков и часто, когда снилась мама, говорил ей: «Мама! Я болен. Как же тяжело стараться всегда, перед всеми выглядеть нормальным!» Он понял, что для этого надо как можно меньше общаться с другими людьми. Он полностью замкнулся в себе.

Окончив университет, он стал работать в известной физической лаборатории. Считался одним из самых перспективных сотрудников, быстро получил должность научного сотрудника; ему прочили большое будущее, но он не соглашался ни на какие повышения и, хотя многие из достижений лаборатории были его заслугой, оставался просто научным сотрудником, даже помогал другим писать диссертации.

Однажды Алексей попытался разорвать круг одиночества: в душе у него вспыхнули добрые и нежные чувства к

ассистентке из их же лаборатории, и в результате он женился. Прожили вместе 3 года, но детей так и не было. Они с женой прошли обследования, жена сходила узнать результаты и сообщила, что детей нет по его вине. Жизнь снова стала серой. Алексей опять ко всему охладел, и лишь работа оставалась его отдушиной. Он пробовал пить водку, изменять жене, но все это его не захватило, в душе оставалось только гадкое чувство: все это было не его.

С годами самыми тяжелыми днями в неделе для Алексея Леонидовича стали выходные дни. Приходилось работать дома в своей комнатке; в другой комнате жила его бывшая жена. Они давно развелись, и объединяли их только две вещи: адрес места жительства и номер домашнего телефона. А может, и еще что-то: ведь не вышла же она второй раз замуж после того, как выяснилось, что у него не может быть детей.

Он отпустил бороду, часто ходил в мятых брюках и несвежей рубашке. В конце концов стал слыть среди сотрудников неисправимым чудаком.

Время шло. Он пытался убедить себя в том, что смысл жизни в работе, в открытиях ради человечества, но каждый раз вспоминалась мама. И тогда он понимал, что смысл жизни все-таки в любви к близкому человеку, которого у него нет, в гармонии души, которую нельзя достичь в одиночестве. Алексей не пытался снова завести семью, детей. Быв-

шую жену и себя он и считал своей семьей и был по-своему благодарен «бывшей» за то, что она не уезжает от него – психически больного человека. Он понимал, что надо жить ради кого-то – жить ради человека, пусть не близкого, а далекого, но чтобы знать, что он, этот человек, есть на свете, и чтобы этот человек просто знал, что ты тоже есть.

Ему было уже сорок шесть лет.

Однажды сотрудник уговорил его взять билет в театр: билет все равно пропал. Алексей Леонидович заглянул в Интернет. Театр оказался маленьким и малоизвестным. В основном спектакли в этом театре были представлены труппами, состоящими из вчерашних выпускников театральных вузов, а спектакль, билет на который он держал в руке, оказался водевилем.

В тот вечер он ехал домой и, проезжая остановку, где ему надо было пересесть на другой автобус, неожиданно вспомнил о билете. Весь измятый, билет отыскался в заднем кармане брюк. Немного подумав, Алексей все же пересел на нужный автобус.

Спектакль начался, как обычно, с запозданием минут на десять. Алексей смотрел без интереса и оживился только тогда, когда на сцене появилась главная героиня; ей было где-то года двадцать два-двадцать три. Алексей напрягся и широко открыл глаза, взгляд его стал блуждающим, дрожь пробежала по телу. В антракте он ушел со спектакля и, прибежав

домой, перерыл все семейные фотоальбомы. Найдя нужную фотографию, он долго смотрел на нее, и слезы текли у него по щекам. Вдруг голова закружилась, началась сильная головная боль, мышцы лица стали подергиваться. «Она! Я нашел ее!» – повторял и повторял он. В то же время он вспомнил о лекарстве, и на этот раз обошлось без приступа.

На следующий день Алексей Леонидович в Интернете узнал, что зовут ее Анна, играет она в нескольких театрах по контракту, нигде постоянно не числясь. Также, через Интернет, он купил билеты на все спектакли с ее участием на три месяца вперед.

Наконец Анна обратила внимание, что один и тот же мужчина всегда присутствует на ее спектаклях, сидит в первых рядах с большим букетом разноцветных роз и всегда дарит розы именно ей. Ее насторожил и испугал его туманный и одержимый взгляд. «С таким взглядом разве что князя Мышкина играть из «Идиота» Достоевского», – думала Анна. Она стала уклоняться от букетов, отходить в сторону, подставляя навстречу мужчине других актрис. Но тот настойчиво обходил других и старался подойти именно к Анне. Подругам Анны приходилось просто выхватывать цветы из рук Алексея Леонидовича. Через месяц неудачных попыток вручить ей букет Алексей стал оставаться после спектакля и ждать на улице, когда выйдут актеры, после чего, не глядя на других, он подходил к Анне и просил разрешения проводить ее или хотя бы поговорить. Она всегда отказывала ему, гово-

рила, что у нее есть муж. В конце концов она стала бояться выходить после спектакля одна и выходила или с друзьями, или муж встречал ее после спектакля. Попытки друзей и мужа поговорить с Алексеем ничем не кончались: он заявлял, что у него разговор только к Анне, разводил руками, поворачивался и уходил.

Так продолжалось около трех лет.

Однажды зимой, когда закончился очередной контракт с театром на один из спектаклей, вся труппа отмечала это событие прямо за кулисами. Выйдя из здания театра только в четыре часа ночи, они увидели стоящего у выхода Алексея. Он подошел к Анне и попросил выслушать его по одному делу. «У меня не может быть с вами каких-либо дел», – отрезала Анна. Алексей неожиданно сильно побледнел, взгляд его стал безумным, лицо исказилось судорогами, и с криком он упал в снег, содрогаясь в конвульсиях. «Припадок, – крикнул кто-то, – срочно надо вызвать скорую помощь».

Когда Алексея увезли, кто-то заметил на снегу фотографию: «Смотрите... а ведь это Анна!» Анна взяла фотографию, внимательно посмотрела и сказала: «Да, вроде я, а вроде и нет. Какая-то фотография... как будто старая». Перевернув фотографию, они прочитали: «Алеше от мамы на память».

Алексей сидел, как всегда, на своей койке и покачивался взад-вперед. Еле-еле было слышно только бесконечно по-

вторяющееся: «Почему?..»

Вдруг он увидел, что в палату вошла его мама. Она подошла к Алексею, что-то спросила и, не дождавшись ответа, погладила его по голове. Потом дала ему в руки фотографию; Алексей счастливо улыбнулся и спросил: «Ты еще придешь, мама? Мне так одиноко». «Конечно, Алеша!» – ответила Анна.

Лечащий врач, проходивший мимо палаты, увидел, как Анна гладит по голове Алексея Леонидовича, отвел ее в сторону и сказал: «Мы, к сожалению, вряд ли сможем вывести его из этого состояния. А вы кто ему?»

Анна уже в дверях палаты, обернувшись и увидев качающегося взад-вперед Алексея, неотрывно смотрящего на фотографию в его руках и счастливо улыбающегося, тихо произнесла: «Мама».

Попутчик

Поезд дальнего следования тянулся по российской глублинке не спеша, возвращая меня к родному городу и к морю. Я лежал на верхней полке плацкартного вагона. Люблю смотреть вперед, по ходу поезда, наблюдая, как извивается состав между сопок и лесов на просторах сибирской земли, пересекая бесчисленные реки и речушки, проезжая полустанки, у которых приютились одинокие избы или небольшие поселки. Путь был неблизкий, и в вагоне мне предстояло провести почти трое суток. Именно в плацкартном вагоне чувствуешь, как жизнь кипит вокруг, слышишь, о чем говорят или спорят в соседних купе. Случайный билет в случайное купе и на случайное место объединяет всех едущих вместе; теперь они просто попутчики.

Где, как не в поезде дальнего следования, отоспаться, почитать, поговорить с пассажирами, услышать удивительные и такие непохожие истории о судьбах людей. Так позже и рождаются рассказы и повести – из самой гущи жизни. Три дня без городской суеты с ее осенней слякотью и непросыхающими ботинками. Поздняя осень!

На нижних полках две старушки наперебой то расхваливали своих внуков, то жаловались на высокие цены, а то и про политику говорили. Полка напротив меня была свобод-

на. Ноябрь, пассажиров мало, и полвагона пустовало.

Наконец на очередной станции в каком-то небольшом городке в купе вошел мужчина лет тридцати шести-тридцати семи. Щупленький, рано полысевший, борода отпущена и не ухожена, впрочем, он был весь неухоженный: сразу видно, что либо давно уже не женат, либо никогда женатым и не был; одет так, как будто только что из дальнего странствия по святым местам. Затем он достал билет, стал смотреть номера мест. Я поздоровался, он что-то невнятно ответил и занял верхнюю полку напротив меня.

Какое-то время он лежал с задумчивым выражением лица и неотрывно смотрел в окно, но только смотрел он вслед убегающим назад сопкам. Казалось, он весь был в прошлом и только о нем и думал. Будто ехал из прошлого в прошлое, которое замкнулось в его голове и крутилось там непрерывно.

– Вам далеко ехать? – неожиданно спросил он меня.

Я назвал город, и он грустно покачал головой:

– Вот и я туда же. К морю. Возвращаюсь. Полгода не был дома, а ведь я там родился и всю жизнь прожил. Обстоятельства сложились так, что в свое время решил уехать отсюда, попытался все забыть, да нет, не забывается и тянет обратно к морю.

– Сейчас у многих финансовые трудности, уезжают из родных мест в поисках работы, – попробовал угадать я.

– Нет, деньги тут ни при чем, – тихо и внятно произнес

он. И мы оба надолго замолчали.

Через некоторое время я решил, что разговор наш прервался чересчур неожиданно, и представился, назвав себя и кем работаю.

– Василий, – тоже представился он. – Отец так решил назвать в память о своем отце – моем деде. Отца звали Трофим – вот и получилось Василий Трофимович. А вы, значит, пишете? Много ездите по стране, много людей повидали, много общались, много о судьбах людских слышали? – спросил Василий.

– Работа такая, да и меня всегда люди привлекали, их жизнь, беды и радости, одним словом, судьба, – ответил я.

Снова разговор наш оборвался; Василий вроде как обдумывал мои слова.

Я уже решил, что общение наше на этом совсем закончилось, а тут он неожиданно спросил меня:

– Вы в мистику верите?

– В мистику, не в мистику, а что бывают вещи совершенно необъяснимые – верю, – ответил я. – Вот только необъяснимое не надо путать со случайным. А то навещал я как-то знакомого в больнице, у них в палату привезли мужчину, упавшего с девятого этажа строящегося дома – упал и живой остался. Так это не чудо, а случайность: внизу коробки картонные были, сложенные в несколько рядов.

– Но ведь кто-то положил их на то место, где мужик и упал? – тихо, вроде как размышляя про себя, сказал Василий

и надолго замолчал.

Я возражать не стал.

Очнувшись от задумчивости, попутчик мой сказал вдруг:
– Нет, я не про то! А хотите, расскажу?

Я согласился, и он, немного помедлив, начал рассказывать. Историю попутчика я хорошо запомнил.

Наконец-то закончилась еще одна рабочая неделя, ничем, впрочем, не отличающаяся для Василия Трофимовича от многих других. И на два дня – целых два дня! – можно было забыть об обязательном в конторе галстуке и необязательных, но так необходимых нарукавниках. Расставшись еще засветло с сослуживцами около кафе, он медленно пошел в сторону порта подышать прохладным морским воздухом и посмотреть на заход солнца. Улицы были пусты, город притих, готовясь вот-вот окунуться в ночное пятничное гулянье.

Дойдя до порта, сел на опрокинутую кем-то бочку и стал наблюдать за водной гладью. В порту никогда не было тихо: кто-то грузился, кто-то разгружался, слышались крики крановщиков и портовых рабочих. Весь этот шум, знакомый с детства, не мешал ему спокойно думать о своей жизни и вспоминать.

Когда-то в детстве, вот так же сидя на бочке или ящике на причале, тогда еще маленький Вася мечтал стать моряком. Больше всего он любил смотреть на море, когда оно бушевало, когда необузданный ветер срывал пенистые гребешки,

дико веселящиеся на вершушках волн, но сегодня море было спокойно, уверено в себе и навевало тихую грусть. Солнце не спеша уходило за горизонт, а к берегу от горизонта ползла серая мгла облаков, суливших затяжные дожди.

Здоровье не позволило ему осуществить свою детскую, а затем и юношескую мечту, и он был вынужден сидеть в конторе и давно уже не мечтал о морских путешествиях и приключениях, об экзотических странах и знойных креолках.

Его жизнь была скучна, однообразна, одинока и, в общем-то, predetermined. Он завидовал кораблям, стоящим на внешнем рейде: кто-то войдет завтра в порт, кто-то отправится в открытое море к далеким берегам, где их кто-нибудь ждет. Самого его никто и нигде не ждал, и судьба его не сулит ни-че-го...

«Умирают не от болезней и старости – умирают от одиночества и тоски в душе», – пришла ему в голову мысль.

Когда солнце полностью нырнуло в море и стали надвигаться сумерки, Василий Трофимович встал, еще раз взглянул вдаль и не спеша пошел по направлению к дому. Как и всегда, вид моря успокоил его, и он медленно брел по улицам, на которых все чаще попадались прохожие, идущие парами или семьями, начиналось традиционное вечернее гулянье горожан. Он всегда уходил домой, чтобы не видеть этот «праздник жизни»; по своей натуре он был замкнут и любил быть один.

Василий Трофимович брел, не замечая начавшегося мо-

росающего дождя; серость вокруг сливалась с его настроением. На мгновение ему показалось, что кто-то наблюдает за ним. Оглянувшись и не заметив никого, кто бы на него смотрел, он пошел дальше.

Только дома он заметил, что промок весь до нитки, и почувствовал, что его сильно знобит. Раздевшись, лег в кровать и, чтобы согреться, укрылся одеялом с головой.

Ему снилось бушующее море и корабли, тщетно пытавшиеся прибиться к берегу.

Он проснулся глубокой ночью и продолжал лежать с закрытыми глазами, как вдруг ощутил, что кто-то смотрит на него. Штора на окне была задернута – свет уличных фонарей и реклам магазинов, расположенных на другой стороне улицы, не мог проникнуть внутрь. Он весь напрягся, осторожно протянул руку к ночнику и включил его. Слабый свет чуть осветил комнату. Оглядевшись справа от себя и ничего необычного не заметив, он повернул голову налево и чуть не вскрикнул: слева от него на кровати лежала женщина и смотрела, не мигая, прямо ему глаза.

Лоб и спина у Василия Трофимовича мгновенно покрылись испариной, он не мог выговорить ни слова: взгляд женщины парализовал его, заставляя смотреть и смотреть неотрывно в ее глаза.

Казалось, прошла вечность, пока он начал понемногу овладевать собой. Зажмурив и открыв глаза, он снова увидел ее, выключил и включил ночник – снова она перед ним.

С трудом шевеля губами, шепотом спросил:

– Ты... то есть вы... вы кто?

Молчание.

– Вы... как... почему... здесь?

«Так...» – послышалось ему, хотя губы женщины оставались неподвижны. Василий Трофимович, так и не поняв, сказала она что-то или нет, стал оглядывать ее. Она вся была накрыта одеялом, кроме головы, нога ее была согнута в колене, и в этом месте одеяло было чуть приподнято, возможно, немного приоткрывая ее тело, но в сумерках ничего было не разглядеть. Он слегка дотронулся до женщины ладонью: нет, все было наяву! Неожиданно одеяло сползло с ее колена, и стала видна нога в черном чулке.

Он смотрел и смотрел в ее глаза, боясь отвернуться, оставив ее у себя за спиной. «Больше всего в жизни бойся собак и женщин. Никогда не знаешь, что от них ждать, и не поймешь, укусит или нет», – вспомнились ему слова матери.

На мгновение он сел на кровати спиной к незнакомке и тут же быстро обернулся и снова увидел ту же картину: нога в черном чулке, и глаза, внимательно смотревшие на него. Одеяло было тонкое, и, еще раз проведя взглядом вдоль нее, он не мог не отметить, что по изгибам тела фигура женщины была красивой и необычайно привлекательной.

Он встал, походил по комнате, не отворачивая головы; ее глаза неотрывно следили за ним, но голова оставалась неподвижной, и ни одного движения ее тела он так и не увидел.

«Какой взгляд!» – подумал он, стоя посредине комнаты, и машинально пригладил свои редкие волосы.

Наконец он произнес:

– Сейчас сварю кофе, – и по-прежнему не смог даже шелохнуться.

Неожиданно на кухне загремела посуда, и он метнулся туда в надежде, что, может быть, именно сейчас все разъяснится. Там он увидел кота, гонявшего пустую миску по полу. «Проголодался, – подумал Василий Трофимович, – хотя такого еще не было, чтобы кот просил кушать среди ночи».

Быстро сварив кофе и почти бегом, чуть не споткнувшись о порог кухни, но все-таки удержав равновесие, вбежал в комнату с кофейником и двумя чашками. Пора было решительно разобраться в сложившейся ситуации. Но... в комнате никого не было, хотя вся двуспальная кровать была смята, а одеяло лежало на полу.

Василий вернулся на кухню, налил себе кофе и стал вспоминать вчерашний вечер: «Ничего особенного вчера не было: посидели в кафе с сослуживцами, как и каждую пятницу, попили кофе, съели по паре пирожных и разошлись. Никакого алкоголя, никаких женщин. Затем сидел в порту. Путь до дома не помню, хотя тоже вроде без каких-либо событий. Дома лег спать – и все!»

«Померещится же такое! Ну как наяву! А женщина красивая, – подумал он. – И вроде я уже видел эти глаза».

Он стал вспоминать всех своих знакомых женщин: с кем

работал, учился, командировки, поездки в отпуск, но никого похожего не было. «Может, галлюцинации? Надо выбросить все это из головы и больше об этом не думать, а то действительно свихнешься», – подумал он и на этом успокоился, отметив про себя, что шерсть на коте стояла дыбом и что мяукал тот как-то уж очень недружелюбно, да и кот, скорее, не играл с миской, а раздраженно швырял ее по кухне.

Опять вспомнилось детство, мама. Отца он не помнил.

Когда врачи сообщили, что мальчик родился с отклонениями и, скорее всего, они будут прогрессировать и дальше, отец стал убеждать маму оставить ребенка в роддоме. Мама наотрез отказалась расстаться с новорожденным сыном, и отец ушел из семьи. Позже, через несколько лет, когда он, так и оставшись одиноким, начал пить, он хотел вернуться в семью, но мать даже слушать его не стала. Она считала его уход предательством и простить этого не смогла. Опасения врачей оказались чересчур пессимистичными, и мальчик вырос вполне нормальным человеком, хотя и не без странностей. «А у кого их нет?» – думала мать. Он был чудаковат, доверчив и прост. Ни разу не был женат: отношения с женщинами как-то не складывались, все искал какого-то идеала – идеала не внешности, а души, – может, оттого, что всех он сравнивал с мамой, которая была для него идеалом, а никто не был даже близко похож на нее.

Наконец, немного придя в себя, помыл чашки и кофейник, в комнате отодвинул штору на окне, чтобы не было

очень темно, лег в кровать и снова уснул.

Рассвело. Солнце заглянуло в окно комнаты, и Василий Трофимович проснулся. Оглядевшись по сторонам и ничего особенного не заметив, обнюхал кровать и вторую подушку: никакого запаха косметики и женского тела не почувствовал. Решил, что все-таки это действительно был только сон, а не какие-то галлюцинации и ничего мистического этой ночью не было, да и не могло быть.

Уже полностью успокоившись, он заправил кровать, умылся, выпил чашку кофе и сначала решил подмести и вымыть пол. На сегодня у него еще были запланированы стирка и поход в магазин за продуктами на неделю. Он уже давно привык все делать по дому сам и не испытывал неудобств от отсутствия женщины в доме.

Каково же было его удивление, когда он вымел из-под кровати... клипсу. Поднял и, сев на кровать, долго смотрел на нее.

Наконец решительно сказал себе: «Сон! Все! Проехали! Надо делами заниматься», – и положил клипсу в один из ящичков комода.

Следующая неделя прошла без каких-либо событий; о ночном случае он ни разу не вспомнил.

В пятницу, идя как обычно из порта домой, он в какой-то момент почувствовал, что за ним наблюдают. Посмотрел по сторонам, оглянулся назад: нет, никто на него не смотрел. По улице шла компания из трех мужчин, и они были увлече-

ны разговором и торопливо удалялись в противоположную сторону.

Пройдя еще немного вперед, он почувствовал, что ощущение наблюдения за ним исчезло. Он вернулся назад и снова понял, что за ним следит чей-то взгляд. Паника охватила его, и, добежав до перекрестка и свернув за угол дома, он немного постоял, затем резко выглянул на улицу: никого. Так он проделал несколько раз и с тем же результатом. Наконец, сказав себе: «Да это же сумасшествие какое-то! Возьми себя в руки!» – вышел из своего укрытия и снова пошел по улице к дому, разглядывая по сторонам витрины магазинов.

И вдруг... их взгляды встретились – той ночной гостьи и его. Он стоял около магазина женской одежды, и на него смотрела... женщина-манекен – смотрела нежно и удивленно. Брюнетка, фигура идеальная, одета неброско, но элегантно, одна нога у нее стояла на подставке и была согнута в колене. Черные чулки! В какой-то момент взгляд ее стал теплым и влюбленным. В правом ухе у нее была клипса, в левом – ничего! Он, сломя голову, побежал домой, с трудом разыскал в комодке найденную под кроватью клипсу и быстро вернулся к магазину. Войдя туда, сделал вид, что разглядывает продаваемый товар, даже не заметив, что мужской одежды в магазине нет. Дождавшись, когда на него перестанут обращать внимание, подошел к манекену. Он слишком долго завозился около манекена: клипса никак не хотела прикрепляться на прежнее место. Наконец девушка-консультант по-

дошла к нему:

– Мужчина, что вы делаете с манекеном? – удивленно и недружелюбно спросила она.

– Да вот смотрю: на полу лежит. Решил обратно на манекен повесить. – И он показал клипсу.

– Спасибо, не надо, я сама повешу, – сказала консультант. Он шел домой в отличном настроении и что-то еле слышно напевал.

Всю ночь он не ложился спать: все ждал, не появится ли она опять, как неделю назад. Она не появилась.

В ту ночь в его жизни появился смысл, и он подумал, что даже безответная любовь может сделать человека счастливым!

Он уснул только под утро и спал полдня, улыбаясь и что-то иногда говоря во сне. Ему снилось ночное море в лунном свете и он – он с ней, с любимой, в маленьком утлом суденышке, которое только чуть касалось гребешков волн; волны нежно передавали лодку одна другой, уводя все дальше и дальше от берега к горизонту, помогая двум влюбленным догнать зашедшее солнце, чтобы эта ночь любви никогда не кончалась, чтобы время остановило стрелки часов на этом мгновении и мгновение превратилось в вечность – вечность любви.

– Ты только мой? – спросила она.

– Да! Только тво... – не успел договорить он и проснулся. Одевшись, счастливый, он побежал к магазину. Все бы-

ло по-прежнему, как и всегда. Он ясно видел, что она чуть улыбнулась ему, и тихо сказал: «Доброе утро, любимая». Клипса видна была только одна: ту, что он нашел и принес, закрывали волосы.

С этого дня для него началась новая жизнь: с утра он, проходя мимо нее, говорил ей: «Доброе утро», – а вечером подолгу стоял напротив магазина на противоположной стороне улицы и смотрел на нее, про себя беседуя с ней, так, ни о чем, как умеют говорить только влюбленные.

Он по-прежнему ходил по пятницам к морю и представлял, что они вдвоем, обнявшись, смотрят на горизонт. Теперь он радовался не только бушующему, но и спокойному морю. Буря? Буря чувств была у него в душе!

– Мы когда-нибудь уплывем далеко-далеко? – спрашивала она.

– Да, любимая, обязательно! – отвечал он.

Так продолжалось почти полгода, когда в один из серых ненастных дней он увидел на витринном стекле магазина надпись «Ремонт», на витрине ничего не было, а внутри магазина суетились рабочие.

Он зашел внутрь и спросил, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Надолго ремонт?

– Месяц, может, два, – ответили ему. – Вот только магазин будет не одежды – другой, а какой, не знаем.

Он на какое-то время остолбенел и, только придя в себя,

спросил:

– Переехал?

– Нет, ликвидирован, – ответили ему.

– Как же так? А где все: прилавки, шкафы и другое? На свалку вывезли?

– Нет еще. На заднем дворе пока свалили.

Он оббежал дом и сразу увидел ее, лежавшую рядом с кучей столов, стульев и другого имущества бывшего магазина. На ней не было ничего – только чулки и клипсы; не было даже парика; накрашенные глаза растеклись по лицу. Он прикрыл ее раздвинутые ноги какой-то тряпкой и посмотрел ей в глаза: взгляд был не бездонный, как раньше, в котором его душа могла утонуть и раствориться вся без остатка, а пустой и бессмысленный.

Он встал на колени рядом с ней, прикрывая ее от дождя своим пиджаком, прижал ее голову к своей груди и немного покачивался, как убаюкивают ребенка. Он укачивал свою судьбу, стараясь заглушить тоску.

Прохожие с удивлением смотрели на плачущего мужчину, прижимающего и целующего голову манекена. Не замечая никого вокруг, он чувствовал только одно: стремительно надвигающееся одиночество, быстро и неотвратимо опустошающее душу.

Смеркалось. Морозящий дождь насквозь промочил его. Он снял на память клипсы и, сгорбившись, старческой походкой побрел домой.

Ночью его лихорадило, поднялась высокая температура, он бредил и метался по кровати. Проболев почти два месяца, он уехал из города.

– Вот и скажите, уважаемый попутчик, мог ли я не уехать хотя бы на время из этого города, и не мистика ли это? – спросил мой попутчик.

– Да, история! – удивленно сказал я, не зная, что ему ответить.

– Я могу показать клипсы, – сказал он.

– Не надо. Я вам и так верю.

– Я все-таки покажу, тем более что я сам, как снял и завернул в платок, больше их и не видел, – настаивал он.

Он долго рылся в чемодане, наконец, достал платок, завязанный уголками, как когда-то делали наши бабушки, положил на столик и развернул.

Мы оба стояли и удивленно смотрели на клипсы.

Клипсы были разные...

Не навреди

В длинных больничных коридорах было тихо и безлюдно. Случайный посетитель, оказавшись он в это время в данном месте, а на часах, висевших на стене напротив стойки дежурной, было уже два часа тридцать семь минут дня, не догадался бы, что за пациенты находятся здесь и от чего лечатся. Был тихий час. Каждый из больных перед сном получил свою дозу психотропных лекарств, и таким образом достигалась эта тишина и спокойствие. Редкий пациент в белой в коричневую полоску пижаме тихо босиком боязливо пробежал на цыпочках по коридору в туалет, затравленно косясь на дежурную медсестру, будто ожидая от нее выстрела в спину.

И только искушенный наблюдатель, увидев, что нет-нет да и проходили по больничным коридорам медбратья крупного телосложения с закатанными рукавами халатов, и заметив на окнах решетки, догадался бы о том, что судьба каким-то лихом занесла его не иначе как в психиатрическую больницу, а говоря по-простому – что само по себе свойственно русской душе – в психушку.

Впрочем, случайных людей оказаться здесь никак не могло, кроме разве что самих врачей, которые после окончания медицинских институтов попадали сюда, пытаясь или по недопониманию, или по какой другой okazji выполнить

священную, но невозможную миссию: вылечить несчастных психически больных людей, а в крайнем случае слегка подправить им мозги, чтобы далее они могли жить на благо общества, которое само не знает, чего хочет, и само имеет все признаки неадекватности. Хотя надо честно сказать, что сами пациенты себя несчастными не считали, и если и случались у них рецидивы: тоска во взгляде, проявление агрессивности и прочее, то половина или целая таблетка какого-нибудь желтого или зеленого цвета, добавленная им при плановой раздаче лекарств, снова возвращала обстановку в больнице в состояние, близкое к гармонии. Также надо отметить, что ни у одного врача данного заведения или подобного ему никакой справки о том, что он психически нормальный человек, не было. Такой бумаги и быть не могло, поскольку сама психиатрия смутно представляла себе, где находится та грань состояния разума, за которой наступает ненормальность. Молодые врачи вскоре после начала работы в таком месте начинали осознавать, что само понятие «здоровые мозги» довольно условное и граница, отделяющая здоровых людей от психически больных, достаточно расплывчата. Для пациентов было большой удачей, если врачи в своей работе придерживались бы принципа «Не навреди» и не более.

У психиатра Максима Максимовича, вчерашнего студента, сегодня был первый рабочий день в областной психиатрической больнице. До обеда время ушло на то, чтобы

оформить все необходимые документы для начала выполнения своих прямых обязанностей, представиться своему непосредственному начальству, и в этот час тишины по больнице он, сидя за письменным столом в выделенном ему кабинете, закрыв дверь в коридор, обедал тем, что принес из дома. Он был среднего роста, с добрым, располагающим к себе лицом, слегка округлого телосложения, но не полный, любил вкусно поесть, оптимист по натуре, свято верящий в медицину как науку, в то, чему его научили в институте, и в свою миссию помочь всему человечеству стать вменяемым. В выборе своей профессии он пошел по стопам родителей: отец, Максим Аркадиевич, высокий худощавый человек с твердым взглядом и категорическими суждениями, когда-то работал в этой же областной больнице, но ближе к пенсии перешел на работу в психоневрологический диспансер; мать, Зинаида Евгеньевна, тоже когда-то работала психиатром, женщина с покладистым характером, добродушная, немного полноватая, изначально расположенная положительно ко всем новым людям, которые встречались на ее жизненном пути, была уже на пенсии и, зная склонность и отца, и сына вкусно поесть, увлекалась изучением тонкостей кулинарии и, надо отметить, небезуспешно.

В дверь неожиданно постучали, и в кабинет к молодому врачу вошел Александр Алексеевич Кошкин, заведующий отделением, добродушный человек, крупного телосложения, высокий, движения его были медленными и плавными, лет

сорока пяти, и, как заметил Максим, с постоянно извиняющейся улыбкой. В руках он держал пачку каких-то документов.

– Хотел, Максим Максимович, послать к вам медсестру с недостающими документами больных, но решил зайти сам, – медленно, нараспев проговорил заведующий. – Вы, как я вижу, обедаете? Извините, если помешал. Кстати, чуть позже подскажу вам, где рядом с больницей можно дешево и быстро поесть.

– Да нет, Александр Алексеевич, нисколько не помешали, – ответил, чуть смутившись Максим, пряча в стол недоеденный бутерброд. – А вот если бы вы подсказали мне, на каких пациентов следует обратить особое внимание, то был бы весьма вам признателен.

– Конечно! Пожалуйста! В основном случаи тривиальные – шизофрения, и вы легко в них сориентируетесь, – он ненадолго задумался. – Разве что обратите внимание на Марию Леонидовну Голубеву. Она поступила к нам всего три дня назад тоже с диагнозом шизофрения по направлению врача из психоневрологического диспансера, но насчет этого у меня есть сомнения. На мой взгляд, у нее возможно просто переутомление – все-таки учится на философском факультете – будущий светило философии, так сказать! Но нельзя все-таки оставить без внимания заключение из диспансера. От приема лекарств не отказывается, да и назначил я ей пока только успокоительные и витамины. Приглядитесь к ней.

Она и как женщина очень интересная, но уж с сильно замороченными идеями: то ли они – эти идеи, от большого ума, то ли они за гранью бреда. В общем надо еще разобраться. Впрочем, сами увидите: у вас по графику сегодня беседа с ней. Так что, как говорится, держите ухо востро, но попотеть придется: при внешней общительности, подозреваю, что человек она закрытый для других. Ну, я убежал, а вы тут осваивайтесь. Кстати, как поживает Максим Аркадиевич с супругой?

От такого резкого перехода в разговоре Максим растерялся и не мог сообразить, о ком речь. Он молча и удивленно взглянул на начальника.

– Отец с мамой как поживают? – снова спросил Александр Алексеевич.

– Да вроде все хорошо у них, – сказал Максим.

– Кстати, отец не рассказывал, что мы с ним раньше работали вместе?

– Нет! – ответил молодой человек.

– Это он, наверное, специально, чтобы вы на поблажки в работе не рассчитывали, – улыбаясь, сказал Александр Алексеевич. – Хороший он человек и специалист прекрасный. Как-нибудь выкрою время да зайду к вам в гости.

Александр Алексеевич вышел из кабинета, тихо закрыв за собой дверь. Максим нашел в стопке папок документы Голубевой и стал их просматривать, достав из стола недоеденный бутерброд.

После тихого часа начались беседы с пациентами, четвертой оказалась Мария Леонидовна. Постучав в дверь кабинета и чуть приоткрыв ее, спросив: «Можно?», она, не дожидаясь ответа, вошла и села напротив Максима Максимовича, закинув ногу на ногу и сложив руки на груди. Молодой врач молча посмотрел на нее. Перед ним сидела явно умная женщина, среднего роста, худенькая и стройная, с красивыми большими серыми, с поволокой, глазами. «Такая вполне бы подошла на роль роковой женщины», – мелькнула у него мысль. Она в свою очередь тоже внимательно, с явным интересом и несколько бесцеремонно разглядывала его. На коротеньком халате две верхние и две нижние пуговицы были расстегнуты, что, наверное, сводило с ума всю мужскую половину пациентов отделения. На взгляд Мария Леонидовна была его ровесницей. Когда она отняла руки от груди и положила их на ноги, он отметил про себя, что обручального кольца не было у нее ни на правой, ни на левой руке, и тут же заметил, что она мельком тоже взглянула на его руки. Максим почувствовал, что она ему нравится. «И это с первой же встречи? Да к тому же я ее врач!» – подумал он, удивившись.

– Ну что же, Мария Леонидовна, давайте знакомиться. Я ваш новый...

– Я знаю, – решительно перебила его пациентка и, ничуть не смущаясь, продолжила: – Все женское отделение уже в курсе, что у нас новый, молоденький и симпатичный психиатр.

От таких слов Максим сильнее обычного качнулся на стуле – такая у него была привычка – и чуть не потерял равновесие, но удержался и не упал. Он с досадой на самого себя слегка покраснел: по молодости лет он еще не имел достаточного опыта общения с женщинами.

– О! Вы даже еще краснеть не разучились? – смеясь, сказала Мария Леонидовна. – Ну, уж извините, что смутила! Ладно, начинайте! Доставайте ваши тесты для шизофреников. Начнем беседу, только учтите, что я могу ответить и как шизофреник, и как вполне адекватный человек.

– Откуда такая самоуверенность? – спокойно спросил молодой врач. – Может, вы психиатрию изучали?

Мария Леонидовна сделала вид, что не расслышала вопроса, и молча продолжала сидеть, разглядывая кабинет. Подождав некоторое время и поняв, что ответа он не дожидается, Максим Максимович, начиная понимать характер этой женщины и внутренне уже признаваясь себе, что взять инициативу в общении будет не так-то легко, уже более твердым голосом спросил:

– Не хотите отвечать на мой вопрос – не отвечайте, забудем о тестах, но в таком случае предложите сами тему нашего разговора, которая вас бы заинтересовала.

– Да мало ли? Например, откуда появляются мысли в голове человека?

– Хорошо! – согласился Максим Максимович, и они начали разговор.

От напряжения и молодого азарта он не мог усидеть на месте и, беседуя, энергично ходил по кабинету, размахивая руками, высказывая свои мысли и приводя аргументы. Тем не менее, он понимал, что говорит не очень убедительно: Мария Леонидовна, спокойно сидя в кресле, одной-двумя фразами сводила все его рассуждения к нулю.

Максим Максимович наконец перестал расхаживать по кабинету, присел за стол и с удивлением заметил, что они с пациенткой поменялись местами: Мария Леонидовна сидела на его месте и, как ему показалось, уютно там себя чувствовала. В этот момент в приоткрывшуюся дверь заглянул Александр Алексеевич. Заведующий отделением быстро оглядел кабинет и с иронией спросил, обращаясь не к врачу, а к пациентке:

– Когда прием продолжать будете, к вам уже очередь выстроилась?

Максим, сделав вид, что не заметил усмешки начальства, тут же ответил:

– Извините, заговорились, сейчас продолжу прием.

Проводив Марию Леонидовну до дверей кабинета, он вышел в коридор, чтобы как-то оправдаться перед начальником, но Александр Алексеевич, улыбаясь, подмигнул Максиму и тихо сказал:

– Я предупреждал: пациентка еще та! Смотрите, не влюбитесь!

Максим Максимович, успокоившись, продолжил прием

пациентов, но молодая женщина не выходила у него из головы. И не потому, что она оказалось умнее его в философских вопросах – это было нормально; он был уверен, что в своей профессии – в психиатрии, он в свою очередь знает гораздо больше нее. Что-то вынуждало его продолжать думать о ней, и эти мысли грозили стать навязчивыми. «Так и самому можно оказаться пациентом этой больницы», – усмехнувшись, подумал Максим.

Закончился его первый рабочий день, но он задержался в кабинете допоздна, приводя в порядок бумаги, накопившиеся за день, и вышел на улицу, когда уже начинало темнеть. До своего дома ему надо было проехать всего две короткие остановки на автобусе, но Максим, постояв немного у выхода из больницы, решил пройтись пешком напрямую через городской парк, примыкавший к территории больницы; автобус объезжал его вокруг. Стемнело. Медленно, уже не направляясь к дому, а гуляя по ночным аллеям, он продолжал думать о Марии и неожиданно заметил, что и в городе с его запыленностью можно видеть звезды: вспыхнула одна звездочка, другая, всего он насчитал их пять. «Пусть их мало, но тем они ценнее для человека, напоминая, что в жизни помимо работы есть еще целый мир – бесконечный мир чувств, который открыт для души каждого, и может быть, он гораздо важнее ежедневной суеты и безоглядной спешки куда-то?..» – думал Максим, удивляясь тому лирическому на-

строению, которое охватило его.

Из-за деревьев выглянула луна, стало светлее, и звезды растворились в ее свете. Максим зашагал быстрее.

Придя домой, он, помня почти дословно разговор с Марией, тут же засел за книги и конспекты лекций, оставшиеся после учебы в медицинском институте. Он хотел понять, откуда же берутся мысли у человека, но запутывался все больше и больше. На удивленный вопрос мамы, будет ли он ужинать, Максим ответил:

– Нет, мам, не хочется.

Спал он беспокойно: ему снилось, как некие мысли в неосязаемом образе то возникали откуда-то, то исчезали куда-то.

– Бред! – сказал Максим сам себе, проснувшись утром.

«Пациентка еще та! – вспомнил он слова заведующего и мысленно согласился с ним: – Да! Пока непонятно: больная она все-таки или нет. Ну что же, будем разбираться, вопросы, интересующие меня, исподволь, но я все-таки задаю, и, сама не замечая того, она на них отвечает!»

Бесед у Максима с Марией Леонидовной было еще несколько, и все они были похожи на первую, затрагивая философско-религиозные вопросы: то о человеческом духе, то о душе... Каждый раз молодой человек, приходя домой, вновь и вновь брался за книги, и, как и в первый раз, это не давало никакого результата – он не находил ответов на вопросы, которые задавала Мария. За две недели Максим

немного осунулся и не исключал, что у него может начаться, если уже не началась, депрессия. Он чувствовал, что каждый раз с нетерпением ждет следующей встречи с этой женщиной, может быть, даже любит ее – любит и в тоже время постоянно злится на нее за то, что в каждой их беседе она берет верх над ним. В то же время он уже понимал, что с психикой у Марии не все хорошо и, скорее всего, у нее шизофрения: она выражает свои мысли предложениями, которые частично произносятся в уме, а частично проговаривается вслух, что нередко делает понимание того, что она имеет в виду, затруднительным. Он видел в ее глазах необъяснимую тоску, склонность к депрессии; она часто размышляла о суициде и о том, сохранится ли душа у человека, если он покончит жизнь самоубийством; настроение ее могло меняться мгновенно, хотя внешних причин для этого Максим не видел... Он щадил ее и многие из своих наблюдений и выводов не фиксировал в истории болезни: Максим не хотел назначать ей транквилизаторы, которые сделают ее вялой, заторможенной и неспособной к полноценному общению.

Как-то раз накануне очередной встречи с Марией Максим попросил маму приготовить что-нибудь вкусненькое: мол, надо для одного его пациента – одинокого человека, которого никто не навещает. Мама внимательно посмотрела на Максима и спросила:

– Пациент мужчина или женщина?

– Женщина! – ответил он, отведя взгляд в сторону.

– Поняла, – сказала мама и улыбнулась. – Подумаю.

На следующий день Максим Максимович попросил медсестру вызвать к нему в кабинет Голубеву. Когда та уселась в кресло напротив, он, улыбнувшись, спросил:

– Ну, о чем сегодня будем беседовать? Опять постараетесь загнать меня в угол?

Мария задумалась на мгновение, и в этот момент Максим положил перед ней небольшой сверток.

– Это вам, разверните.

Мария Леонидовна, не отвечая на вопрос, с нескрываемым интересом стала разворачивать упаковку. Увидев пирожные, взвизгнула по-детски:

– Да еще и домашние!?

Она сразу же начала есть угощение, набивая опять же, как ребенок, полный рот.

Два пирожных она снова завернула в бумагу, сказав:

– Отнесу в палату: там у нас есть одинокая женщина, которую никто не навещает.

Некоторое время она смотрела молча на Максима Максимовича и затем произнесла:

– Во-первых, спасибо! А во-вторых, Максим, давай перейдем на ты?

Молодой человек почувствовал, как исчезает некая стена между ними, разделяющая их на врача и пациента. Он понимал, что так не должно быть, и вместе с тем испытывал радость.

– Согласен! Кстати, Мария, у нас ведь можно пациентам по территории больницы гулять.

– Знаю! И мало того, я знаю, где с территории можно выйти и гулять по парку, – сказала Мария. – Пойдем сегодня после тихого часа?

«Безумие! Что я творю?» – подумал Максим и в тоже время улыбнулся и утвердительно кивнул головой.

– Встретимся у прохода в ограде, – сказала она и нарисовала на листе бумаги, где он находится.

Они ходили по аллеям парка и не смолкали ни на секунду; разговор их был ни о чем, как умеют говорить только влюбленные. Неожиданно Мария резко ускорила шаг и, обогнав Максима, встала у него на пути. Молодой человек сразу все понял, подошел к ней и поцеловал...

Из парка они возвращались счастливые: каждый из них понимал, что его жизнь изменилась и уже никогда не будет прежней. Одновременно Максим думал: «А что дальше? А как же ее болезнь?» А Мария уже все для себя решила: «Пусть на неделю, на ночь, на мгновение, но я буду любить и буду любимой! И, может быть, любовь спасет меня?»

– У тебя бывают ночные дежурства? – серьезно спросила она.

– Конечно! Завтра я выхожу на работу на целые сутки.

Мария больше ничего не сказала. Около прохода в ограде больницы она поцеловала Максима и попросила его по-

дождать здесь, пока она не скроется из вида.

Ночное дежурство пока выдалось спокойное: часы показывали два часа ночи. Максим выглянул из кабинета в коридор и увидел, что дежурная по отделению медсестра устраивается на ночь на диванчике. «Ложится спать недалеко от телефона, боясь пропустить какой-либо звонок», – отметил он и закрыл за собой дверь.

Он уже полчаса стоял у окна и смотрел на территорию больницы с ее хорошо освещенными дорожками и аллеями; он помнил вопрос Марии о ночном дежурстве и ждал ее. Дверь кабинета тихо чуть-чуть приоткрылась, и она осторожно бочком проскользнула внутрь, также бесшумно прикрыв ее за собой. Одного взгляда друг другу в глаза хватило молодым людям, чтобы понять чувства, охватившие обоих... Так продолжалось в течение двух недель: днем они гуляли в парке за оградой больницы, а ночью, когда у Максима выпадало ночное дежурство, она приходила к нему.

Однажды, когда они гуляли в парке, он предложил Марии зайти к нему домой:

– Я живу недалеко, с другой стороны парка, минут за десять дойдем. С родителями познакомлю, то, что ты пациентка больницы, говорить не будем, – и, посмотрев на часы, добавил: – Мои как раз обедать будут, отец зайдет домой, и мы по-домашнему поедим. Только лифт сегодня остановили на профилактику, и придется нам немного попотеть, поднима-

ясь по лестнице на двенадцатый этаж.

Мария сразу согласилась:

– Только про больницу ни слова. Да?

– Я же обещал, – ответил Максим.

Дверь открыла мама. Она, улыбаясь, с интересом посмотрела на девушку и сказала сыну:

– Ну, знакомь!

Максим представил женщин друг другу.

– Что же мы в прихожей стоим. Мойте руки и за стол: обедать будем. Сейчас и отец присоединится к нам.

И только Зинаида Евгеньевна произнесла эти слова, как из соседней комнаты вышел Максим Аркадиевич. Увидев Марию, он застыл в дверях, не сводя с нее глаз. Взгляд его мгновение был удивленный, но тут же стал жестким: он как рентгеном пронизывал ее насквозь. Она стала пятиться, прижалась спиной к стене и напоминала маленького затравленного зверька; в глазах был испуг и в тоже время безысходность. Вдруг глаза ее сузились, взгляд тоже приобрел жесткость, и, спокойно повернувшись, она молча и с достоинством вышла из квартиры.

Некоторое время Максим и Зинаида Евгеньевна, обескураженные и потрясенные происшедшим, смотрели на Максима Аркадиевича, не произнося ни слова. Мать и сын ждали каких-то объяснений от отца, но тот молчал, явно сам удивленный до крайности только что происшедшим. Тиши-

на становилась все напряженней и, казалось, вот-вот взорвется чьим-то криком или даже воплем. Первым очнулся Максим и быстро выбежал из квартиры на лестничную клетку, чтобы догнать Марию, но, услышав далеко внизу стук каблучков ее туфель, понял, что ему ее уже не догнать. Он стоял в растерянности и не знал, что ему делать. И вдруг Максим стал догадываться о том, в чем причина случившегося. «Как же я мог не обратить на это внимания?...» – мелькнула у него мысль. Молодой человек быстро вернулся в квартиру; родители по-прежнему стояли и молча смотрели друг на друга.

– Ты знаком с ней? Она обращалась к тебе в диспансер? – спросил он, глядя прямо в глаза отцу и решительно готовый услышать правду.

– Да. Я был ее врачом почти два месяца. И, опять же, именно я подписал направление на ее лечение в вашей больнице, поняв, что лечить Голубеву надо серьезно и обязательно в стационаре! – ответил Максим Аркадиевич. – Странно, что ты, ее лечащий врач, не заметил этого, знакомясь с ее историей болезни. Или ты так сильно очарован ею? Она серьезно больна и постоянно находится на грани рецидива болезни, и раньше или позже болезнь проявит себя очень серьезно! И еще хорошенько запомни: что бы у вас там с ней ни случилось, а жить здесь я ей не позволю! Мы с матерью на старости лет хотим пожить спокойно, и я не допущу превращать нашу квартиру в психушку! Да и ты, дорогой мой, рис-

куешь на своей карьере врача-психиатра поставить крест!

Максим Аркадиевич так разволновался, что последние слова уже произнес срывающимся голосом. Затем он резко повернулся и ушел к себе в комнату, прикрыв за собой дверь. Минут пять сын и мать стояли, молча глядя друг на друга, после чего Максим ушел на работу.

Вернувшись к себе в кабинет, он сразу же стал еще раз просматривать бумаги Марии и убедился, что направление на лечение в стационаре действительно подписано его отцом. «Как же я мог не обратить на это внимания?» – вновь подумал он. К тому же первоначальное подозрение о ее болезни за время их общения и у него переросло в уверенность. До конца рабочего дня он просидел, перечитывая вновь и вновь историю болезни любимого человека, и не мог собраться с мыслями: голова кружилась, он чувствовал слабость... В конце концов, Максим решил отложить до завтра изменение схемы ее лечения.

Вечером дома стало ясно, что он сильно простудился: температура поднялась выше тридцати девяти. Неделю он отлеживался дома, думая постоянно о Марии и волнуясь за нее.

Максим много думал о том, что он скажет заведующему о своих выводах по поводу ее диагноза. Но, оказалось, начинать разговор о ее диагнозе ему не пришлось. Когда он выздоровел и вышел на работу, то узнал, что Марии в больнице уже нет: выписалась. Он сразу же зашел в кабинет к Александру Алексеевичу и спросил:

– Голубеву уже выписали?

– Да, сестра приезжала и забрала ее под расписку, повезла к бабке в деревню. Адрес в бумагах есть.

– А что случилось, пока меня не было? – спросил Максим.

– Сам знаешь, что если человек психически болен, то, как он ни скрывай это, рано или поздно болезнь себя покажет, – начал рассказывать заведующий. – Говорю между нами: влюбилась она в тебя, и, когда ты заболел, она тебя перестала ежедневно видеть и общаться с тобой! Вот тут-то она себя контролировать уже не могла. Проявились все признаки шизофрении: и бредовые мысли, и галлюцинации, и... Впрочем, в ее истории болезни считаешь, а когда болезнь немного отпустила, попросила выписать ее. Еще один интересный момент хочу сказать только тебе: она мне утверждала, что тебя от нее специально прячут. Вот так-то! Ты-то как не замечал отклонений в ее поведении, ведь много с ней общался? Или замечал и молчал?

Максим хотел что-то сказать, но Александр Алексеевич не дал ему рта раскрыть и с раздражением добавил к уже сказанному:

– Молчи! Я все знаю! Запомни крепко: больница такого профиля, как у нас, что деревня – ничего не скроешь, тут сами больные друг за другом следят! Эх, Максим! Не знай я твоего отца, может, и не оставил бы случившееся без последствий, а так закрою глаза на этот раз. Все! Иди, продолжай работать. Тебе наука на будущее!

Этим вечером после работы Максим пришел домой хмурым и, пройдя по коридору мимо кухни, где мама что-то готовила, вошел в свою комнату, закрыл за собой дверь и, не раздеваясь, лег на кровать. Он закрыл глаза и неподвижно лежал, думая о Марии и о себе. В голове его все перепуталось: их любовь, ее болезнь, долг врача... Он понял, что преступил некую запретную черту, за которой находилась пропасть: он мог необратимо навредить больному человеку (а может, это уже и произошло) и погубить свою жизнь – потерять безвозвратно все то, о чем мечтал, ради чего учился и чему хотел посвятить свою жизнь. «Может быть, не нужно, чтобы звезды были видны в городе?» – подумал Максим. В голове у него навязчиво повторялась одна и та же фраза: «Не навреди!» Наконец, обессиленный, вспомнив слова древних о том, что время лечит, он повернулся к стене и заснул.

В тот вечер взволнованная мама так и не достучалась до него. Наутро за завтраком она спросила сына:

– Ты не заболел? Или на работе что случилось?

– Нет, мам, просто вчера жизнь преподнесла мне хороший урок, который я никогда не забуду, – ответил Максим. – И не обижайся на меня: я вчера очень устал; только и мечтал добраться до кровати.

После бурных событий в личной жизни Максим старался полностью уйти в работу и не думать о Марии. Однако очень часто всплывал ее образ в его памяти, и древние слова о том, что время помогает людям смириться с любой поте-

рей, вспоминались ему уже с вопросительным знаком в конце. Максим по-прежнему любил Марию и чувствовал всем сердцем, что он однолюб. Он не получил от нее ни одного письма и сам тоже не писал ей, понимая бессмысленность и безысходность дальнейших отношений, но одновременно в душе он понимал, что не может поручиться за себя в случае, если она позовет его.

Так прошел год, и Максиму полагался отпуск. Он ждал его с нетерпением: знал, куда поедет. На вопросы родителей и сослуживцев о том, куда собирается отправиться отдохнуть, уклончиво отвечал, что, мол, друзья зовут его к морю. В последний день перед отпуском Александр Алексеевич (заведующий отделением) поблагодарил его за хорошую работу и добавил:

Видишь! – и он показал в окно на соседнее здание. – На днях переезжаем в новый корпус; наше отделение значительно увеличится, и работы нам прибавится. Так что отдыхай и набирайся сил.

Уже на следующий день Максим сидел в поезде и смотрел в окно на пробегающие мимо российские пейзажи. Он физически и духовно ощущал, как вместе с удаляющейся больницей, где он работал, спадает с него ощущение, что он психиатр, и он превращается просто в проезжего путешественника. Он перестал смотреть на людей вокруг себя как на потенциальных своих пациентов и видел в них обычных попутчиков, с которыми можно и поболтать, и посмеяться. Его ощу-

щение жизни становилось разноцветным – жизнь наполнялась новыми знакомствами, звуками, запахами и мыслями. «Откуда берутся мысли? – вспомнил он вопрос Марии и теперь уже твердо ответил сам себе: – Да из самой жизни: из всего того, что мы видим, слышим и чувствуем, какой имеем жизненный опыт и воспитание! Наши мысли только отражают то, какие мы есть на самом деле. Да и зачем, милая Мария, тебе это знать? Главное в том, что люди могут понимать и любить друг друга!»

В поселок, адрес которого был указан в истории болезни Марии, Максим добрался только на третьи сутки: кроме поезда пришлось ехать еще и на автобусе, затем на попутке и в конце еще идти пешком двенадцать километров. «В дожди до ее поселка вообще не доберешься», – подумал Максим. В основном дома поселка были старые, запущенные, требующие значительного ремонта. Все указывало на бедность его жителей. Таким же оказался и дом, который долго искал Максим, спрашивая редких прохожих. «Глубинка! – мелькнула у него мысль. – Ни названий улиц, ни номеров домов».

Подойдя близко к покосившейся изгороди, Максим увидел во дворе дома старушку, которая топором тщетно пыталась расколоть полено.

– Здравствуйте, бабушка? Помочь?

– Помоги, милоч, помоги! – ответила старушка и отдала топор. – А я пойду козу подою, а то как малец без молока-то.

– Как зовут-то вас, бабушка?

– Зови Ефросинья.

– А по отчеству?

– Никитична.

Максим назвал себя.

– Ефросинья Никитична! А малец-то чей? – спросил Максим, уже и сам догадываясь.

– Так внучки моей младшей, Марии.

– А сама-то Мария где?

– Так в этой... как ее, дай Бог памяти – в психушке, в соседнем городе.

– И давно она там?

– Так почитай уж три месяца, – ответила Ефросинья. – Как год назад старшая внучка привезла ее ко мне, она уж тогда заговаривалась, а родила, так я ее совсем понимать перестала: в голове у нее что-то повернулось. Я тогда за сына ее очень испугалась, ну и к председателю, Николаю Степановичу. Тот помог, выделил машину, и отвезли Марию в больницу. Еле уговорили. С тех пор и не возвращалась она. Больше ничего не знаю. А ты-то кто ей будешь?

– Друг. Учились вместе в институте, – слукавил Максим. – Письма от нее перестали приходить, вот и решил навестить ее. А тут такое дело! Малого-то чем кормите, неужто козьим молоком одним?

– Председатель шибко жалеет нас, вот и подвозит частенько питание специальное для них – для маленьких. Без него

и не знаю, как прокормила бы мальчика. Тяжело мне с ним, еле справляюсь: старая уж я, чтобы нянькой быть. Мне уж предлагали в детский дом его определить, я отказалась: все надеюсь Мария вернется.

– Дня на три пустите в дом? – спросил Максим. – Ночевать-то мне негде.

– А чего? Живи, места хватит! Да и малец ночью спит тихо.

– А как звать-то его? – спросил молодой человек.

– Максимом кличут, как и тебя: Мария так хотела. Дров много уже наколот, хватит, да и темнеет, пошли в дом.

Максим на ночь устроился на скамье возле окна, но заснул только под утро, всю ночь смотрел на луну, а когда та скрылась из вида повернулся на другой бок, смотрел на детскую кроватку и думал: «Неужели мой?..» Три дня он пробыл у Ефросиньи и все это время не отходил от ребенка. В душе у него была и радость, и сильное переживание от незнания, что с Марией. Навестил председателя, узнал, как все происходило, а заодно и разузнал, как добраться до городской больницы. На третий день он сказал Ефросинье:

– Поеду в город, в больницу, все узнаю о Марии и обязательно вернусь к вам рассказать.

– Сердце по ночам у меня болит за нее, – сказала старушка. – Буду ждать тебя, ты уж не обмани, приезжай, Максимушка.

Затем обняла молодого человека и прижалась к нему.

На следующее утро Максим на попутной грузовой машине засветло уехал к железнодорожной станции и уже к вечеру был в больнице. Когда он сказал, кого приехал навестить, его просили подождать. Через некоторое время к нему вышел мужчина средних лет с сединой и добрым пронизательным взглядом, сразу располагающим к себе. Белого халата на нем не было, и Максим с удивлением посмотрел на подошедшего.

– Михаил Семенович, лечащий врач Голубевой, – представился мужчина.

– Максим Максимович, – в свою очередь представился молодой человек. – Близкий друг Марии.

– Вы хотите встретиться с ней?

– Да, я не видел ее уже год!

Михаил Семенович некоторое время молча смотрел на Максима и наконец сказал:

– Ну хорошо я разрешу вам свидание с ней. Только никаких воспоминаний. Остальное сами все поймете.

Они пришли в комнату, в которой Максиму пришлось немного подождать. Затем санитар привел Марию. Одного взгляда хватило молодому врачу, чтобы понять ее состояние. Отсутствующий взгляд, безвольно висящие руки вдоль тела... – все говорило Максиму о тяжести ее состояния.

– Можно уводить? – спросил сопровождающий.

– Да, – ответил он.

В дверях Мария вдруг вздрогнула, подняла руки и при-

жала их к своей груди, обернувшись, взгляд ее на мгновение стал осмысленным, и казалось, вот-вот она что-то скажет, но тут же глаза ее потухли, руки опять безвольно свесились, и она вышла из комнаты. Максим, хотя и ожидал перед встречей чего-то подобного, остался сидеть за столом, потрясенный. Михаил Семенович заглянул в комнату, но, увидев состояние Максима, тихо прикрыл дверь: молодой человек сидел, обхватив голову руками, облокотясь на стол. Плечи его вздрагивали: он плакал – плакал, как в детстве, вздрагивая всем телом. Только не было никого во всем мире, кто бы мог утешить его и к кому можно было бы прижаться.

От больницы он шел подавленный, повторяя который раз: «Не навреди?!» – шел, сам не зная куда, не замечая прохожих, с удивлением и сочувствием смотревших на него, не слыша визг тормозов, когда переходил дорогу, ругань водителей, слезы продолжали стекать по его щекам. Наконец Максим присел на скамейку, не в силах идти дальше. Он понимал только одно, что мир вокруг него снова стал другим и уже никогда не будет прежним: там, где его душа была наполнена любовью, теперь была пустота. Оглянувшись вокруг, он увидел только расплывшиеся силуэты того, что окружало его; весь мир представлялся ему бесформенной и беспросветной серой мглой. Тоска и безысходность охватили его.

Неожиданно все вокруг приняло четкие очертания, мысли прояснились, он резко поднял голову и твердым голосом

сказал:

– С этой болью я должен справиться только сам!

Максим встал со скамейки и уверенно зашагал в сторону вокзала...

Зинаида Евгеньевна что-то готовила на кухне, когда раздался звонок в дверь. Открыв дверь и увидев сына держащего на руках ребенка, завернутого в одеяльце, лицо которого было открыто, она вскрикнула, затем склонилась над младенцем, внимательно вглядываясь в его лицо.

– Твой! – сказала она уверенно.

Максим вошел, переступив порог родного дома, и не успел сделать и двух шагов, как подошел отец. Максим Аркадиевич долго и напряженно смотрел то на ребенка, то на сына. Этого момента – момента встречи с отцом – Максим боялся больше всего и постоянно и безуспешно старался представить себе, что же произойдет. Наконец взгляд главы семейства смягчился, и он, улыбнувшись, твердо сказал:

– Пусть живет у нас...

Прошло два года.

В тот сентябрьский субботний вечер Максим вышел погулять с сыном и сидел на скамейке с краю детской площадки, наслаждаясь, может быть, последним теплом бабьего лета. Легкий, чуть прохладный ветерок ненавязчиво напоминал о том, что погода вот-вот повернет на осень, и похоже было,

что слегка покачивающиеся листья деревьев, среди которых уже были видны и желтые, и желто-красные, кивали, с грустью соглашаясь с ветром. Молодой человек перевел взгляд на малыша и снова, как это часто бывало, когда он смотрел на мальчика, перед ним всплыло лицо Марии. Он вспомнил ее взгляд, их разговоры ни о чем, прогулки по парку и поцелуи, поцелуи, поцелуи... Любовь по-прежнему была в его сердце. За прошедшие годы Максим не получал от нее известий и ничего не знал о ее судьбе. Как-то он написал письмо председателю поселка, где жила когда-то Мария. Николай Степанович в ответном письме сообщил, что Мария Леонидовна около года назад приезжала в родной дом, но, пожив два дня, попросила его заколотить окна и дверь избы и уехала; больше он о ней ничего не знает. Также он сообщил, что Ефросинья Никитична, бабушка Марии, умерла, так и не дождавшись внучку.

Неожиданно Максим понял, что действительно видит напротив себя Марию: она сидела на скамейке по другую сторону детской площадки и напряженно смотрела на него. Хотя она была сильно похудевшей и осунувшейся, молодой человек видел перед собой все ту же любимую женщину, красивей которой для него не было никого. От неожиданности он не мог даже пошевелиться, настолько все это было нереальным, похожим на видение.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга. Максим понимал, что Мария, оставшись совсем одна (бабушка

умерла, у сестры своя семья и своя жизнь), хотела бы забрать сына, надеясь благодаря ему вновь обрести себя в этой жизни. Он также понимал, что при ее болезни она не может быть матерью и доверять ей сына нельзя. Казалось, Мария, пристально взглядываясь в лицо Максима, слышит его мысли и напряженно ждет его решения. Вновь он вспомнил: «Не навреди!» и тут же подумал: «Кому? Кому не навреди?» Он посмотрел на сына, играющего с другими детишками, и ответил на свой же вопрос: «Я знаю кому!» Подозвав сына, Максим поднял его и крепко прижал к своей груди, в то же время продолжая уже ни в чем не сомневаясь смотреть Марии прямо в глаза. Максим видел, как она, все поняв, зажала рукой рот, чтобы крик отчаяния не сорвался с ее губ, слезы потекли по ее лицу. Она вскочила, не в силах больше сдерживать свои чувства, и быстро пошла в сторону от детской площадки. Вдруг Мария остановилась, обернулась и в последний раз взглянула на сына и Максима. Ее взгляд говорил:

«Ты прав, Максим! Ты прав!»

Традиции

Ранняя осень! Дожди еще не начались, небо по-прежнему голубое, но солнце уже не слепит глаза и не обжигает лицо. Листья деревьев и кустов еще зеленые, хотя и чуть приунывшие от неизбежного прощания с летом. Для тех, у кого в жизни наступила осень, природа вступает в гармонию с душой. Умиротворенная пора. Хочется думать и думать – так, ни о чем, просто радуясь тому, что живешь.

В тот тихий осенний вечер, когда солнце уже приблизилось к крышам домов, я, как обычно, вышел из дома прогуляться по улицам родного города. Каждый раз я менял маршрут своего маленького путешествия, чтобы внести какое-то разнообразие в это, в общем-то, скучноватое занятие, но одно оставалось неизменным: я всегда проходил мимо одной и той же церкви, стоящей на высоком холме, золотые купола которой, казалось, вот-вот вознесутся ввысь. Колокольный звон ее был слышен, наверное, во всех уголках нашего небольшого провинциального города. Мне нравилось зайти ненадолго в эту церковь, а затем немного посидеть на скамейке в прицерковном маленьком и уютном парке, провожая взглядом проходивших мимо меня прихожан, восхищаясь и завидуя их вере в бесконечное будущее.

Вот и сегодня купола храма, появившиеся из-за домов, вновь указали мне дальнейший путь. Как обычно перекрестившись, глядя на купола, я ускорил шаг и вскоре был уже внутри церкви. Хотя я и неверующий человек, но сама обстановка в храме и густо пропитанный ладаном воздух каждый раз приводили меня в состояние умиротворенности. Все земное уходило куда-то, я слышал только размеренный голос священника, и мой взгляд блуждал по ликам святых. Атмосфера церкви одновременно и подавляла мое я, сначала превращая его в нечто совсем маленькое, а затем и растворяя в себе, и возносило это самое я куда-то высоко, высоко, заставляя осознать и свою бренность, не жалея об этом, и величественную бесконечность и непознаваемость мира.

Наконец, одурманенный ладаном, я вышел из церкви и жадно вдохнул свежего воздуха. Голова прояснилась. Огляделся вокруг. Как и всегда в это время, людей в парке не было, и все скамейки были свободны, кроме одной, на которой сидел старик. Вид его был растерянный, он с надеждой вглядывался в каждого прихожанина, проходившего мимо него, но поймать встречный взгляд ему не удавалось. Старик определенно хотел кому-нибудь выговориться, поделиться своими мыслями. Он даже сидел на самом краешке скамьи, приглашая тем самым присесть рядом. Не задумываясь, я направился именно к этой скамейке. Подойдя ближе, спросил:

– Вы позволите?

– Конечно, конечно, – тотчас ответил старик и чуть не

упал, машинально попытавшись подвинуться еще ближе к краю скамейки. – Я видел, что вы вышли из церкви, и, обернувшись, перекрестились. Вы верующий?

– Нет, – ответил я. – И в церкви захожу и крещусь так – по традиции: как и многие, кто считает себя православным, хотя и без веры.

– Вот, вот и он тогда еще в начале лета сказал: «традиция», – задумчиво сказал старик и надолго замолчал. – С тех пор я прихожу сюда каждый вечер, и мне никак не удается с ним встретиться. Чем-то поразил он меня и смутил мою душу – то ли своей полной откровенностью, которую человек может проявить только на предсмертной исповеди, то ли своей крайней циничностью...

Старик опять надолго замолчал, и я не стал торопить его вопросами и тоже молчал, терпеливо ожидая продолжения.

Смеркалось. Я никуда не торопился и, достав пачку сигарет, закурил. Старик заинтересовал меня, и я был готов очень долго ждать, когда он заговорит.

Семен Петрович, так звали старика, был человеком спокойным, уравновешенным и со всех сторон положительным. Он вполне мог бы рассчитывать на безмятежную и даже счастливую старость. Однако после выхода на пенсию пришло осознание того, в чем он боялся себе признаться: он был одинок и никому не нужен. Последние годы его постоянно преследовала одна и та же ставшая навязчивой мысль: «Ведь

была же и любовь, и семья, были друзья, были увлечения, а осталось только одиночество». Депрессия преследовала его каждый день из года в год.

В тот день Семен Петрович шел без всякой цели, потупив взгляд и не замечая ничего вокруг. Прогулкой он надеялся разогнать тоску в душе. Вдруг что-то заставило его поднять глаза, и он понял, что идет вдоль церковной ограды. Вспомнил о Боге, но это ничуть его не согрело, и, только увидев одиноко сидящего на скамейке священника, сразу же направился в его сторону.

– Здесь свободно? – спросил он священника.

– Да, присаживайтесь, – тотчас ответил тот, мельком взглянув на незнакомца.

Семен Петрович отметил про себя, что священник ничуть не удивился его выбором места отдыха, хотя все скамейки были свободны, и что, скорее всего, или он привык к тому, что люди подсаживаются к священнику спросить о чем-то, или он сам готов рассказать нечто о себе и потому рад случайному собеседнику. Худой, с пронизательным взглядом и каноническим лицом, он был похож на святого, как их изображают на иконах; лет ему было около тридцати. «Молодое поколение!» – подумал Семен Петрович. Какое-то время они несколько напряженно сидели молча: Семен Петрович собирался с мыслями, поскольку встреча со священником для него была неожиданной, а тот, прикрыв глаза, скорее всего, ждал его вопроса.

Чтобы как-то начать разговор, старик спросил:

– Вы служите в этой церкви?

– Да, – ответил священник. – И уже не первый год.

– Могу я спросить вас, батюшка, о личном? – наконец собравшись с мыслями, спросил Семен Петрович.

– Слушаю, – проникновенным голосом ответил священник и представился: – Отец Николай.

Семен Петрович тоже назвал себя.

– К старости я ничего не сохранил из того, что имел, и остался совсем одинок и позабыт когда-то родными и близкими людьми, – начал рассказывать Семен Петрович. – Как же жить одинокому старику, не видя ничего впереди?

Отец Николай некоторое время молча смотрел на старика. Наконец прошли тягостные минуты тишины, и он сказал:

– Обратите свой взор к Богу: многим это помогает, и они перестают чувствовать одиночество, ведь Господь и человек – это уже двое!

Семен Петрович сразу подхватил эту мысль:

– Я тоже так думал и пытался последнее время обратиться к религии, прочитав несколько раз и Ветхий Завет, и Евангелие, но в отчаянии понял, что вера не пришла. И надежды у меня больше нет!

– Заметьте, любезнейший Семен Петрович, что я ведь не сказал: «Господь и верующий человек...», а произнес: «Господь и человек...». Вы пытаетесь открыть дверь, которая и так уже распахнута перед вами: Господь всегда с каждым из

нас, и с вами тоже, и Он судит человека не по тому, считает ли тот себя верующим, а по тому, праведно ли прожита им жизнь или нет.

– Но как же без веры-то обратить свой взор к Нему? Это же, наверное, большой грех?

– Отнюдь! Истинно верующих людей крайне мало; вера не зависит ни от того сколько религиозной литературы вы прочитали, ни от того в какой семье вы выросли и были ли ваши родители верующими. Веру человеку дает сам Бог, и выбор его неисповедим! Религия – это не демократия, где властвует большинство; в религии носителями истины являются единицы! Почему вера дается именно этим людям, а не другим, нам понять не дано, да это и не нужно, достаточно того, что вас потянуло в храм Божий. Двери храмов открыты для всех. Многие из прихожан – люди или престарелые с неизгладимой тоской в душе, либо больные или убогие, жизнь которых напоминает больше мученичество, чем нормальное существование. Такие, как вы, Семен Петрович, пытаются скрыться под сводами храма Божьего от одиночества и от давящей тоски по прошлому, которое вернуть невозможно; больные и убогие прячутся здесь от непонимания того, почему именно им выпала такая злая и безжалостная судьба.

– Мне странно слышать такие слова от священника, – удивленно почти прошептал Семен Петрович и замолчал, не в силах произнести больше ни слова.

– Скажу вам больше: может быть, вам станет легче, если вы будете это знать, – продолжил говорить святой отец. – Сам-то я тоже неверующий и никогда им не был!

– Как же вы оказались в священниках? – уже в отчаянии от того, что в голове у него все перепуталось, спросил Семен Петрович.

– Извольте, отвечу: традиция! Родившись в семье потомственных служителей культа (и отец, и дед, и прадед были священнослужителями), я пошел по их стопам и тоже стал священником.

– А как же святая миссия священника нести слово Божье людям?

– Я и «несу», уважаемый Семен Петрович, я и «несу»! – ответил батюшка. – Работа священником может быть, как и любая другая работа, и призванием, и просто добросовестным выполнением своих обязанностей. Мы, священники, так же, как и в любой профессии, получаем необходимую сумму знаний (семинария), отработываем рабочий день, получаем зарплату, ходим в отпуск...

– Но вы же имеете дело с душами людскими! – совсем обескураженный, произнес с отчаянием Семен Петрович.

– Вы абсолютно правы, – охотно ответил батюшка. – Но повторяю, что в семинарии мы получаем глубокие знания, в том числе и в области психологии, и в области психиатрии, что помогает нам понять человека, а подчас и помочь ему. Хотя не могу умолчать о том, что если и психолога, и пси-

хиатра вы или ваши родственники в определенных случаях могут призвать к ответственности, то священнику в этом смысле ничего не грозит, и все определяется только мерой его внутренней ответственности перед людьми. Сподвижничество, но не вера – вот, пожалуй, самое главное, оно же и единственное, отличие профессии священника от других профессий.

– Но исповедь! Вам же приходится исповедоваться, и на исповеди вы каждый раз обращаетесь ко лжи, скрывая свое неверие. А это большой грех, – не унимался Семен Петрович. – Может быть, и само понятие греха для вас чуждо?

– Ошибаетесь, любезнейший Семен Петрович, – ответил священник. – Грех существует для всех, и верующих, и неверующих. Это нарушение канонов, традиций, обычаев, принятых в обществе, а не только нарушение заповедей. В свое время мой отец тоже мучился вопросом об исповеди прежде, чем благословить меня в семинарию, но, решив в конце концов, что, может быть, Бог избрал для меня именно такой путь в вере, все-таки согласился с моим выбором жизненного пути...

Молодой батюшка взглянул на часы.

– Впрочем, я с вами заговорился, мне пора на работу! Прощайте. Надеюсь, я успокоил вашу душу. Не надо мучиться в поисках веры в надежде обрести бесконечное будущее, а надо жить сегодняшним днем, помня о том, что Бог с каждым из нас, – проникновенно произнес человек в рясе и

очень тихо, может быть, только для себя, а не для того чтобы его услышал собеседник, добавил: – Если, конечно, Он есть.

Отец Николай встал со скамейки, быстрым шагом подошел к дверям храма и скрылся из виду.

Через мгновение раздался звон колоколов, возвещающий о начале вечерней службы.

Семен Петрович закончил свой короткий рассказ, и мы оба сидели молча, потрясенные настолько, что даже не пытались осознать суть тех событий. Стемнело. Птиц уже не было слышно. Этот ничем не примечательный осенний день уходил куда-то в бесконечное прошлое.

Наконец я прервал молчание и спросил Семен Петровича:

– Как, вы говорите, звать того батюшку?

– Отец Николай! – ответил он.

Я долго молчал, никак не решаясь сказать то, о чем думал, но все же не удержался:

– Семен Петрович! Вот уже много лет каждый вечер захожу я в эту церковь, знаю всех священнослужителей здесь и должен сказать, что здесь никогда не было и сейчас нет отца Николая!..

Уже наступила ночь, а мы все сидели и сидели в полном безмолвии, удивленно глядя друг на друга. Порыв ветра заставил нас вздрогнуть, и тишину нарушил шум листвы деревьев. Мы подняли взгляды и увидели, как в раздвигающейся-

ся все шире и шире кроне деревьев пред нами открывается черное осеннее небо с мириадами звезд и знакомыми с детства созвездиями. Созвездия неожиданно рассыпались, и звезды, казалось, хаотично, начали метаться по небу, ища свое, и только свое единственно правильное место в просторах вселенной. Через несколько мгновений пред нами предстала удивительная картина: Млечный Путь и пересекающий его огромный во все небо Крест.

– Знамение? – тихо спросил старик.

Я промолчал, не зная ответа на этот вопрос...

Шаг в вечность

Рабочая неделя подошла к концу. Пятница. Вечерело. Сумерки, в которые был окутан сегодня весь город, начали сгущаться. И хотя уже стоял месяц май и весна вступила в свои незамысловатые права, весь день небо закрывала серая пелена и клочьями проносились низкие темно-серые облака. Непрерывная морось нет-нет да и переходила в мелкий нудный дождь, косыми линиями пересекая вид из окна и, как казалось Леониду Семеновичу, всю прожитую жизнь.

Он был еще молодым человеком лет двадцати восьми-тридцати, высокий, с узкими плечами, худощавый, чуть горящий и, немного косолапя при ходьбе, выглядел несколько неуклюжим, а из-за висевшей на нем одежды сразу угадывался холостой неухоженный мужчина. В тоже время он был не лишен и некоторой привлекательности: нос с горбинкой, вздернутые к переносице брови и грустные почти женские глаза, красивые руки – руки пианиста с длинными тонкими пальцами, которые двигались очень изящно и чувственно.

Работал он в одном единственном НИИ провинциального города математиком в отделе моделирования. Отец Леонида, Семен Александрович Корчевников, был довольно известный ученый-математик. Очевидно, тяга к этой науке пе-

редалась сыну от отца. В коллективе Леонида считали человеком замкнутым, скучным и чудаковатым, но прекрасным специалистом, хотя и мог он упереться в споре с начальством, отстаивая до абсурдности упрямо какую-либо совершенно несуразную точку зрения, хотя и сам понимал свою неправоту. Сотрудники относили это к одному из его чудачеств. После таких случаев он несколько дней переживал, прекрасно понимая, почему так произошло.

Жил он в однокомнатной квартире недалеко от окраины города. Из окна своей комнаты мог смотреть на лес, находящийся за чертой города. Квартира досталась ему по наследству от родного дяди.

Леонид не любил выходные дни, а точнее боялся их, так как ему приходилось оставаться наедине с голосом или голосами, если они возникали в голове именно в эти дни. На работе он мог сделать попытку отвлечься, начав разговор с кем-нибудь из сотрудников. Если в данный момент все, кто находился в отделе, были заняты, то он выходил в курилку: уж там всегда кто-то был, и запросто можно было присоединиться к любой из разговаривающих компаний.

Голос, который слышал Леонид, собственно, был один и точно такой же, как у него самого, но иногда он разделялся на несколько голосов, и все они также были одинаковыми и звучали как его собственный, хотя говорить могли о самом разном, иногда даже споря между собой и стараясь перекры-

чать друг друга, будто сам молодой человек отсутствует или не слышит, или его это не касается, а потому его мнение в учет не берется. Леонид в такие моменты путался, его это мысли или нет, и либо пытался отличить свои от навязанных ему, либо безучастно сидел и слушал то, что говорили. Собственно, мысли были, конечно же, его, поскольку появлялись именно в его голове, но какие из них были неуправляемы и выражали его другую сущность, а какие составляли его истинное «я», он часто отличить не мог и нередко подчинялся всем им как своим собственным. Его «я» растворялось в этой неопределенности, и он впадал в состояние прострации. Впрочем, такова особенность его болезни, что все, о чем бы он ни начинал рассуждать по этому поводу, приводило к полному хаосу и абсурду.

Сидя у себя дома за письменным столом напротив окна и склонив голову над стаканом водки, он, грустно не поднимая головы, переводил взгляд то на окно, то на наполненный стакан. Сильно болела голова, свои мысли путались со своими же, но... чужими.

Последние время Леонид все чаще чувствовал себя плохо из-за неразберихи в голове, а последней весной почти постоянно находился в депрессии, что было обычным при его болезни, и он это знал. Болезнь давала о себе знать не непрерывно, а случалась приступами, и его до крайности изматывало постоянное напряжение, в котором он находился, ожидая очередного ее проявления. Приступы происходили все

чаще. Если приступ случался на работе или в месте, где присутствовали другие люди, то он пытался скрыть свое состояние от окружающих и выглядеть таким же, как все. Это давалось ему очень тяжело. Он много читал о болезни, знал ее почти досконально, старался как мог противостоять ей, принимая лекарства и придерживаясь определенного образа жизни. Однако сам понимал, что болезнь прогрессирует. Леонид не принимал психотропные средства, а только успокаивающие и снотворные лекарства: боялся превратиться, как говорят, в «овощ» – человека, которого и человеком назвать можно лишь условно.

Если приступ заканчивался, то он, добравшись до дома, валился на кровать и спал до следующего утра. Если наступали выходные дни и на работу не надо было вставать, то мог отлеживаться с вечера пятницы до утра понедельника, никак не реагируя ни на звонки в дверь, ни на звонки по телефону. Он никогда не был уверен, звонят ли на самом деле, или это галлюцинации. Надо сказать, что, помимо входного замка в двери квартиры, он вставил еще и замок в дверь, ведущую в его комнату, поскольку часто слышал шаги на кухне и в коридоре и звук открывающейся или закрывающейся входной двери. Своим «я» он понимал, что это все кажущееся, но каждый раз вдруг появлялась мысль: «А закрыл ли я входную дверь?» Замок на двери в комнату иногда помогал ему сопротивляться этому бреду и не подчиняться мыслям своего другого я, сказав: «Да, закрыл, отстань!»

Он встал из-за стола, прошел на кухню и заглянул в ванную комнату. Долго не мог сообразить, зачем он сюда пришел. Наконец вспомнил: проверил, выключен ли газ и закрыты ли краны холодной и горячей воды, чертыхнулся и тут же подумал: «Зачем я это делаю, ведь я минут десять как все проверял? Зачем я подчиняюсь глупым и бессмысленным указаниям того самого голоса, который часто слышу иногда в своей голове, а иногда откуда-то рядом слева за своей спиной?» Затем он подошел к окну на кухне и убедился, что отсюда видна все та же серая хмарь. Если бы сейчас стояла осень, то он бы чувствовал себя намного лучше: даже ненастная погода не могла оторвать его от любования разноцветьем листьев деревьев и кустов на фоне еще зеленой травы. Он любил осень, да и голоса в голове в осеннюю пору слышались очень редко. Осень давала возможность отдохнуть его нервам после прожитого года. Осенью он не соглашался уйти в отпуск: в эту пору он и так чувствовал себя в отпуске. Само собой, что сами отпуска он ненавидел еще сильнее выходных дней. Леонид мечтал об одиночестве, но об одиночестве истинном чувствуя только свое «я».

Вернувшись в свою комнату и едва присев снова за стол, он тут же встал и подошел к окну. Посмотрел на размытые силуэты прохожих и машин, мокрый и блестящий асфальт, затем сосредоточил свой взгляд на ручках, открывающих створки окна. Постояв минут пять, неожиданно для себя повернул ручки и открыл окно. Наклонившись, он уви-

дел асфальтовый тротуар, дорогу, ведущую к подъездам дома, и еще дальше – газон и детскую площадку.

«Не допрыгнуть до газона с пятого этажа, далеко. Наверняка, упаду на асфальт и разобьюсь. Да и зачем мне газон: если не убьюсь насмерть, то останусь вдобавок еще и калеккой на всю оставшуюся жизнь! Оставшуюся?.. Да разве это жизнь?» Слезы вдруг накатили на глаза, и он вскрикнул:

– За что, Господи? За что?

«Нет, уж лучше падать на асфальт, – и тут же мелькнула мысль: – О чем это я? О смерти? Чьи это мысли: мои или нет? Нет, у меня еще вся жизнь впереди, я еще молод, я вылечусь!» И тут же откуда-то услышал тихий смешок. Он закрыл окно, подумав, что надо бы их оба, что есть в квартире, забить гвоздями. Затем отодвинул от окна письменный стол, а заодно подвинул подальше вглубь комнаты и свою кровать, замер посредине, размышляя: «Вот и сегодня: почему я зашел по дороге с работы домой в магазин за водкой? Взял же документы на работе, чтобы было чем заняться в выходные! Ведь говорил же мне врач, что у меня не должно быть свободного времени, что я должен быть всегда чем-то занят: как только я расслаблюсь, то теряю контроль над собой и начинаю подчиняться тем самым голосам. Я ведь непьющий, да и пить алкоголь мне категорически нельзя!» Снова открыл окно, убедился, что внизу никого нет, вылил на улицу всю водку, и сразу же кто-то вздохнул с сожалением. Еще некоторое время Леонид вновь заморожено смотрел на асфальто-

вый тротуар внизу.

Голоса утихли, и в этой тишине он прилег на кровать и задремал.

Леонид помнил только отца. Маму он совсем не помнил, и женскую ласку, и заботу тоже не помнил: когда мамы не стало, ему было пять лет. Отец предпочитал не говорить о ней. «Болела, умерла», – вот и все его слова. Ни одной фотографии матери в квартире почему-то не было. Бабушки, тети, а порой и совсем, казалось бы, чужие женщины заменяли ему мать, и он переходил на воспитание из рук в руки. В двенадцать лет он стал жить с отцом, но наступившие вскоре реформы лишили его работы и сделали совершенно невостребованным. Такое в те времена было обычным: наступало время менеджеров, сборочных производств и массового строительства коммерческого жилья. Но жизнь не кончалась, и отец, заложив их квартиру, попытался заняться предпринимательством. Бизнес у него не получился: он быстро нажил огромные долги. Отец сильно переживал, что на них с сыном надвигается нищета, и в конце концов у него случился инсульт, его забрали в больницу. Вскоре, придя в сознание на мгновение в самом конце, он умер. Квартиру пришлось отдать за долги. Вот тогда-то дядя и забрал мальчика к себе. Пока дядя был жив, он полностью заменил тому отца. Дяди не стало вскоре после окончания юношей института. Но даже и после смерти дяди Леонид считал, что ближе человека у

него в жизни не было. Кстати, именно дядя, Василий Александрович, – единственный из родственников кто рассказал, что же случилось с его мамой:

– Она так любила твоего отца, что впала в полную невменяемость после того, как узнала о его изменах. Тебе было тогда лет пять, насколько я помню. Ее забрали в психиатрическую больницу, и больше она оттуда не вышла. Может, и сейчас она еще жива и находится в одной из них – это мне неизвестно. Твой отец так стыдился происшедшего, что скрывал истинное положение вещей от друзей, сослуживцев и знакомых, говоря всем, что она скоростигжно скончалась от сердечного приступа. Разумеется, ближайшие родственники знали правду и перестали поддерживать с ним отношения. Только мы с ним остались дружны. Я всегда считал его порядочным человеком и хорошим семьянином. То, что кто-то рассказал Ольге, так звали твою маму, о якобы изменах, я считаю грязными сплетнями, не имеющим под собой никакой почвы. Но мама твоя была очень впечатлительным человеком и постоянно ревновала твоего отца.

– Будучи неверующим, он, тем не менее, часто потом заходил в церковь и подолгу стоял у иконы Богородицы. Иногда мы вместе с ним ходили в церковь, и я видел, что в душе он винит во всем себя, и слезы текли по его щекам. Когда мы были в церкви вместе, то в конце концов я насильно выводил его оттуда, а когда он был там один, то я и представить себе не могу, сколько же времени он стоял и плакал перед

иконой. Как я уже говорил, твоя мать впала в полную невменяемость и его, когда он навещал ее в больнице, она не узнавала. Перед родственниками он не пытался оправдываться: «Считают меня виноватым – это их право», – говорил он. Но обида на них затаилась в его душе на всю оставшуюся жизнь. Правду сказать, на его похороны пришла вся родня. Я единственный, кто навещал его в больнице, и после того, как его не стало, разговаривал с медсестрой, при которой он ушел. С ее слов, перед концом он на мгновение очнулся, взгляд его прояснился, и последние слова, которые он произнес почти шепотом, были: «Оленька, Леонид, любимые, простите!» То, что в вашем доме нет ни одной ее фотографии, я могу объяснить тебе: ему тяжело было видеть ее глаза. Он сильно любил жену и не смог убедить ее, что не было никаких измен, – объяснил Василий Александрович. – В чем постоянно винил себя.

Из детских снов Леониду часто повторялся один и тот же: бегут они втроем всей семьей среди цветов по бесконечному лугу навстречу солнцу. Мальчик крепко держится одной рукой за руку мамы, другой – за сильную руку папы. Они все громко смеются. И вдруг он поворачивает голову к маме, а там никого нет. На этом сон обрывался, и мальчик начинал плакать. Сейчас Леонид уже не плакал, но тоска накатывала на него и слезы все-таки наворачивались на глаза: он хотел вспомнить, как выглядит мама, и не мог.

Как-то в один из выходных дней Леонид решил сходить

в церковь. Все время, пока он шел к своей цели, в голове крутилась одна и та же мысль: «Ну зачем я иду туда? Я же неверующий». Но стоило ему войти в храм, как эта мысль исчезла, и на душе стало тихо и спокойно. Он тут же купил в церковной лавке икону святого Целителя Пантелеймона в надежде, что мама жива, и свечку. Свечку поставил около иконы и, поглядев на прихожан, как правильно креститься, перекрестился.

Леонид не всегда был замкнутым и нелюдимым. Весельчак, оптимист еще в студенческие годы и первые годы после учебы, уже работая в НИИ, он был чуть ли не душой в любой кампании, но с некоторых пор начал сильно меняться, становясь мнительным, неразговорчивым, а порой и говорил такую несуразную чушь, что краснеть за него и отводить взгляд приходилось тем, кто слушал его.

Случилось это лет пять-шесть назад. Леонид уже жил один.

Зарплату тогда выдали в пятницу, хотя раньше всегда, если выдача денег приходилась на последний день рабочей недели, то ее переносили на понедельник. Он задержался на работе. Когда вышел на улицу, уже темнело и по дороге к автобусу ему встречались только редкие прохожие: все уже давно находились дома, строя планы на выходные. У Леонида не было таких проблем, так как накануне они с другом-со-

служивцем решили проверить одну идею и договорились на-завтра пораньше встретиться на работе; пропуска в институт на выходные дни они оформили заранее.

Он вышел из автобуса на своей остановке и вспомнил, что дома нечего есть. Оглянувшись по сторонам, Леонид обратил внимание на еще открытый небольшой застекленный магазинчик и направился к нему. Продавщица продуктового отдела тут же выложила на прилавок продукты, которые он перечислил. Опустив руку в левый внутренний карман пиджака, он нащупал пачку денег, туго перемотанную канцелярской резинкой, из которой если вытаскивать купюры там же в кармане, то они, наверняка, порвутся. Надорванные деньги продавщица не примет. «И почему наш кассир всегда перекручивает резинку в три, а то и в четыре раза?» – подумал молодой человек. Выход был только один: достать всю пачку. Он обернулся вокруг – никого, достал всю пачку, расплатился и убрал деньги обратно в карман.

До своего дома ему надо было пройти под мостом и через сквер. Проходя через пустынный островок зелени, единственный в их районе среди сплошного асфальтного покрытия, Леонид вдруг почувствовал какое-то движение сзади. Он только начал поворачивать голову, чтобы посмотреть назад и... очнулся, видя над собой белый потолок, а вокруг белые стены. «Больница!» – мелькнуло в голове у него. Попытался встать, но тут же почувствовал сильную головную боль и без сил снова опустил голову на подушку. Тут же над ним

склонились мужчина и женщина в белых халатах. «Врач и медсестра», – понял Леонид. Как выяснилось позже, он попал в отделение нейротравматологии городской больницы.

– Наконец-то вы очнулись. У вас, молодой человек, сотрясение мозга, ушиб пришелся на левую половину лба. Насколько серьезная у вас травма, мы пока не знаем, надо пройти обследования – это займет где-то неделю, – и, улыбнувшись, врач добавил: – Жить будете!

– А какой сегодня день? – спросил Леонид.

– Суббота, – ответила медсестра. – Вас обнаружил полицейский патруль вчера поздно ночью, он и вызвал скорую помощь.

– Ну да, дознаватель еще придет к вам, вот с ним и побеседуете, а сейчас скажите, у ваших родственников ни у кого не было психических отклонений? – спросил мужчина в белом халате.

– Нет, – ответил Леонид, вспомнив маму и подумав: «Почему он так спросил? Может, я вел себя неадекватно, когда находился без сознания?»

– Вот и хорошо, – произнес врач. – А пока отдыхайте, предварительное обследование показало, что хотя сотрясение и было достаточно сильным, но патологий у вас пока не выявлено. Завтра начнем проводить остальные обследования, отдыхайте.

«Значит, не начни я оборачиваться влево, когда мне слышались какие-то звуки за моей спиной, удар пришелся

бы в висок и мог быть смертельным для меня. И это из-за той небольшой зарплаты, что я получаю: пачка денег хотя и была внушительной, но только из-за того, что состояла из мелких купюр. Но где же он или они могли увидеть у меня деньги? Ведь явно выслеживали именно меня», – думал Леонид.

И вдруг вспомнил, что стена магазина за спиной продавщицы была из прозрачного стекла. Вспомнил он также, что, проходя под мостом, краем глаза заметил сзади двух мужчин, идущих явно целенаправленно быстрым шагом в ту же сторону, что и он сам.

«Вот люди – готовы убить за то, что есть у человека при себе, пусть это даже копейки! Жизнь человеческая ничего не стоит!» И его всего передернуло с ног до головы то ли от страха, то ли от невозможности что-либо изменить в этом мире и жить дальше, просто примирившись с тем, что такое существует и впредь быть предусмотрительней.

«Ну ладно, проехали, а выйти мне отсюда надо не позже завтрашнего дня. Поскольку завтра день нерабочий, а с понедельника уже нужен будет больничный лист, и в институте узнают, что я попал в нейротравматологию, а этого-то я и не хочу. Да и сколько будет проходить обследование, неизвестно, а уже и не тошнит почти, – думал Леонид. – А боль в голове? Пройдет, отлежусь за воскресенье».

Но стоило ему сказать об этом лечащему врачу, как тот накричал на него и категорически отказался отпустить из больницы. Леонид попытался взять свои вещи из больнич-

ной камеры хранения, но без разрешения лечащего врача их отказались выдавать. Тогда он, спросив дежурную по этажу о разрешении воспользоваться телефоном, позвонил своему другу, с которым должен был сегодня встретиться на работе, объяснил ему кратко ситуацию, и попросил принести в приемные часы какую-нибудь одежду. Вечером Леонид был уже дома – запасной ключ от квартиры лежал все там же, в ящике, где на лестничной клетке находятся электросчетчики. Через два дня он забрал свои вещи из больницы, денег, конечно, не было, но все остальное уцелело после нападения бандитов.

Голова перестала болеть через несколько дней, но вопрос врача о психических заболеваниях у родственников еще долго не выходил из его головы.

Как-то он решил попытаться разыскать маму. Это оказалось нетрудно: она была жива и находилась на постоянном лечении в одной из психиатрических больниц за городом. Получить разрешение на свидание оказалось просто: надо было только приехать в дни и часы приема и объяснить лечащему врачу отделения, где лежала мама, причину посещения. В данном случае причина была веской: сын. Леонид показал свое свидетельство о рождении.

Больница находилась в нескольких сотнях метрах от остановки электрички, и это расстояние молодой человек прошел очень быстро, не замечая ничего вокруг себя.

В комнате свиданий ждать пришлось долго. Судя по то-

му, что он видел в коридорах больницы, все ходили неопрятные, кто в чем одет. О больничных халатах или пижамах и говорить не приходится, в глазах лечащихся полное непонимание, где они находятся и что с ними делают (к тому же все женщины были пострижены наголо). Молодой человек понял, что перед свиданием с посетителями пациентку приходится долго приводить во что-то хотя бы похожее на человека. «Ну, таблетками их здесь пичкают до упора, ведь это же не люди, а овощи какие-то», – зло подумал Леонид. Когда привели маму, они, конечно же, не узнали друг друга. Впрочем, с тех пор как они расстались, прошло уже более двадцати лет. «А, может, хоть что-то осталось от тех пяти лет?» – с надеждой подумал Леонид. Действительно, минут через пять, глядя на это одутловатое от лекарств лицо и остатки красоты, явно угадываемые на лице женщины, молодой человек ощутил, как тепло волной прошло в голове и груди, и он, скорее, не узнал, а почувствовал, что эта женщина – его мама.

– Мама! Это я, твой сын, Леня! Ну узнай же меня, ради Бога! – с мольбой выговорил он, глядя на женщину, которая еще пять минут назад казалась ему чужой.

Женщина бессмысленно оглядывала комнату, в которую ее привели, казалось, думала, где она и зачем. Неожиданно взгляд ее просветлел, очевидно, болезнь чуть отступила на мгновение, и мама, глядя куда-то в сторону, сказала громко и ясно:

– Леня, сынок! Ты не забыл меня? А как папа? Он не болеет?

И тут же слезы обильно потекли по щекам обоих. Он еще хотел что-то сказать, но глаза мамы вдруг стали снова отрешенные, и он услышал, как она начала говорить шепотом:

– Ты слышишь эти голоса? Нам нельзя быть вместе долго! Уходи скорей, а то они и тебя здесь закроют навсегда: они все могут, эти голоса.

Последние слова она уже выкрикивала, явно находясь в панике от страха. Взгляд ее оставался бессмысленным.

В комнату вбежали два медбрата, взяли ее под мышки и, безвольную, с шаркающей походкой, увели. В дверях один из них сказал:

– Все. Свидание окончено. Зайдите, пожалуйста, к лечащему врачу, она хочет с вами поговорить. Зовут ее Зоя Петровна.

Кабинет лечащего врача находился на этом же этаже, и Леонид легко нашел его. На двери была прикреплена табличка с надписью: «Симонова Зоя Петровна, психиатр».

Молодой человек постучал в дверь и, не услышав ответа, осторожно приоткрыл дверь кабинета и тихо сказал:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – ответила врач, сидевшая за маленьким столиком и что-то быстро писавшая в журнале. – Проходите, присаживайтесь, Леонид... (она быстро заглянула в какую-то бумагу) Семенович, я сейчас освобожусь.

– Я подожду, не спешите, – ответил он и присел к столу.

– Вот и все, я закончила, – сказала врач и устало вздохнула. – Даже подумать не могла, учась в институте, что бумажная работа будет отнимать столько времени, а мне ведь надо пациентами заниматься. Спрашивайте.

Она подняла глаза, всем своим видом показывая заинтересованность в разговоре и свою готовность выслушать посетителя и ответить на его вопросы.

– Я хотел бы узнать о состоянии мамы, Ольги Корчевниковой.

– Видите ли, молодой человек, бывший лечащий врач когда-то вашему отцу объяснял, что, кроме как поддерживать в вашей маме жизненные функции и остатки ее «я», сделать ничего невозможно. Организм еще борется и сопротивляется полному распаду личности: моменты осознания себя и окружающих редки и кратковременны. С тех пор ничего не изменилось.

– Скажите, пожалуйста, а может ли эта болезнь быть врожденной? – спросил Леонид.

Зоя Петровна с удивлением посмотрела на Леонида и ответила:

– Да. Очень часто эта болезнь имеет наследственные корни, но для ее проявления нужен какой-то толчок, стресс, если хотите. Могли бы вы мне рассказать вашу семейную историю? Отец ваш отказался в свое время говорить на эту тему.

Леонид согласился и рассказал все, что знал сам, только

предупредил, что самому ему было всего пять лет, когда все это случилось, и рассказал он со слов дяди, заменившего ему отца, когда того не стало.

Зоя Петровна внимательно выслушала и спросила:

– Знаете ли вы, кто были родители вашей мамы?

– Ее мать работала учителем младших классов, а отец был, точнее, пытался быть художником.

– А известно ли вам о каких-либо психических отклонениях у ваших близких и дальних родственников?

– Насчет родственников ничего сказать не могу, а вот у мамы, со слов дяди, истерики случались нередко, – ответил молодой человек.

– Понятно, – сказала Зоя Петровна. – А у вас самих были когда-нибудь серьезные травмы, например сотрясение мозга, операции?

– Только сотрясение мозга, но не тяжелое, – ответил Леонид. – Поставили диагноз в городской больнице, что патологий нет, и в тот же день я ушел оттуда, не пройдя полного обследования. Дня через три-четыре голова болеть перестала.

– И когда это было? – спросила врач.

– Лет пять-шесть назад.

– И как вы себя сейчас чувствуете? – спросила Зоя Петровна.

– Нормально, – ответил Леонид и, не давая времени врачу задать очередной вопрос, спросил сам:

– А как правильно называется эта болезнь?

– Не желаете продолжать разговор о себе – это ваше право, – сказала молодой врач. – А если хотите знать, как называется, то по-простому без мудреных медицинских терминов – шизофрения, скажем так, в тяжелой форме.

Леонид задумался, вспоминая тех, кого видел в коридорах больницы, пока шел в комнату для свиданий: «Можно ли их назвать людьми, ведь сюда попадают на постоянное лечение фактически безнадежные больные?»

– И все-таки это люди, – сказала Зоя Петровна, угадав, о чем думал Леонид. – И мы будем делать все, чтобы сдержать развитие болезни.

– Ей что-нибудь надо приносить, может быть, чего-то не хватает?

– Сами приходите почаще – это может положительно сказаться на пробуждении ее сознания, – ответила врач.

Зоя Петровна встала из-за стола, показывая тем самым, что время, отведенное на разговор с посетителем, закончилось:

– Извините, Леонид Семенович, но меня ждут еще посетители.

Он встал, попрощался и направился к двери кабинета.

Стоя уже в дверях, он спросил:

– Могу ли я забрать маму из больницы домой?

– Оформив все положенные документы и взяв всю ответственность на себя – можете: на сегодняшний день состояние ее стабильно, и она не угрожает ни собственной жизни,

ни безопасности окружающих, – услышал он ответ.

– А болезнь может прогрессировать?

– В том-то и дело, что может. А это ведет к полной потере личности, то есть своего я. Иногда больные, чувствуя, что болезнь прогрессирует, и понимая в момент, когда приступ отпускает, к чему это ведет, осознавая свое будущее, совершают самоубийство. Вот почему оставлять их одних ни в каком случае нельзя.

– Я понял: нужна сиделка?

– И сиделка, которая бы строго наблюдала за выполнением всех рекомендаций врачей.

– Да. Или, Леонид, тебе надо увольняться с работы, если финансы позволяют. Так что подумай очень серьезно, прежде чем взять маму к себе, – ответила лечащий врач. – Я бы не советовала. Это очень тяжело.

Она так легко перешла на «ты» будто они знакомы уже не первый год. И вдруг молодой человек увидел перед собой не врача, ежедневно соприкасающегося со столь страшными болезнями, а просто молодую красивую девушку, вчерашнюю студентку, пухленькую, с открытым теплым взглядом, выгладевшую такой домашней-домашней, немного младше его и смотревшую на него как-то по-родному, с пониманием и сочувствием.

– Конечно, я еще много буду думать над вашими словами.

Возникла неловкая пауза: вроде, все уже сказано, и оба стояли, молча глядя друг на друга. Наконец Леонид еще раз

попрощался:

– До свидания, Зоя, надеюсь, теперь мы будем встречаться часто.

– График моих дежурств возьми в регистратуре, – подсказала Зоя.

До станции электрички Леонид шел с противоречивыми чувствами: с чувством огромной потери в жизни – мама никогда не вылечится, и в тоже время он чувствовал, что встреча с Зоей может совершенно изменить его жизнь. Неожиданно для себя он стал замечать ту красоту, среди которой находился в данный момент. Он шел между лип прекрасной аллеи. Деревья, наверняка, были посажены еще в царское время, как и весь парк вокруг. Стояла полная тишина. Только начавшиеся появляться маленькие листочки на деревьях аллеи тихо, еле слышно шелестели, переговариваясь с вольно гуляющим по всему свету ветром и узнавая о событиях, происходящих в мире. Редкие прохожие, идущие навстречу ему или обгоняющие его, тихо приветствовали молодого человека, желая Леониду и всем его родственникам доброго здоровья. Он вспомнил здание больницы, устроенной в отремонтированном дворянском доме. Вся усадьба умиротворяла своим видом и вселяла душевное спокойствие. Трудно было найти место лучше для такой больницы.

И все-таки в электричке, направляющейся в город, его не оставляла мысль о том, как же несправедлива жизнь: одним она дает все, у других все отнимает, даже то малое, что они

имеют – свое собственное я.

Однако вспомнив Зою, он улыбнулся, и настроение его сразу же улучшилось.

Шло время. Леонид регулярно навещал маму, но к себе ее так и не забрал. При его зарплате нанять профессиональную сиделку было нереально. Каждый раз, сидя в электричке, он с нетерпением ждал встречи с Зоей. Впервые в жизни он влюбился, и трудно было сказать, что больше тянуло его приехать в больницу: чувства к маме или любовь к Зое. Все-таки мама – это его прошлое, которое он и не помнил, и это скорее был зов родной крови. Зоя – это было его настоящее, а может быть, и будущее: ведь она прекрасно все понимала и не отвергала его ухаживаний. Как-то в очередное свое посещение мамы он зашел в кабинет лечащего врача и сходу сказал:

– Зоя Петровна! Пойдемте вечером куда-нибудь вдвоем, например, в кино, ресторан? – сказал Леонид и добавил: – Или просто погуляем по городу? Надеюсь, вы не замужем?

– Во-первых, по-моему, мы перешли на ты, во-вторых, я не замужем, – улыбаясь, ответила Зоя со смущенным и удивленным видом. – И в-третьих, я согласна, но только погулять по городу: в рестораны не хожу и кинотеатры не люблю, лучше живое общение, расскажете о себе, а я о себе, да и о психиатрии поговорим. Эта тема, думаю, тебе интересна.

– Да, очень интересно, почему ты выбрала именно эту профессию! – согласился молодой человек и подошел к Зое

вплотную, собираясь поцеловать ее.

– Какой ты приткий! Всеу свое время, – сказала девушка, сделала шаг назад и, вопросительно посмотрев на Леонида, добавила: – В эту субботу я не дежурю в больнице.

– Я тоже свободен.

Они договорились о месте встречи; так начались их личные отношения.

Прошло уже больше пяти лет после того случая с нападением на Леонида в сквере. Он уже начал забывать о нем. Жизнь продолжалась и, как он считал, продолжалась прекрасно. Молодой человек был счастлив, что повстречался с Зоей, хотя за все время ему удалось поцеловать ее только один раз. Зоя была из интеллигентной семьи, прекрасно образована, очень общительна: она могла поддержать разговор на любую тему, но воспитана была в строгих правилах.

Как-то Леонид, гуляя по улице без какой-либо цели, спустился в подземный переход и, смотря себе под ноги, стал пинать перед собой кем-то брошенную скомканную пачку сигарет. Он, как мальчишка, так сосредоточился на этом занятии, что не обращал внимания на окружающих. Неожиданно раздался визг маленького ребенка, он машинально повернул голову направо и тут же почувствовал удар в левый висок чем-то твердым. Посмотрев перед собой, он увидел передернутое злобной гримасой лицо уже давно небритого

немолодого мужика, потирающего свой лоб.

– Вперед перед собой смотреть надо! – выкрикнул возмущенно тот, и пошел дальше.

Не успев извиниться перед мужчиной, Леонид тут же вспомнил то нападение на него, голова вдруг сильно заболела и в глазах все вокруг начало расплываться, и вскоре пелена полностью затмила его взор. Он стоял посреди перехода, беспомощный, ничего не видя перед собой. Неожиданно он вспомнил, что видел мельком это лицо, перекошенное гримасой, тогда, когда на него напали в сквере, поворачивая голову влево перед ударом по голове. Сколько он так стоял, он не знал, но когда в глазах немного прояснилось и он обернулся назад, то смутно различил только удаляющуюся старушку, опирающуюся на палочку. Попробовал сделать шаг и тут же, чтобы не упасть, схватился за стенку перехода. Все вокруг снова стало расплывчатым, и он повернул назад, домой, держась одной рукой все за ту же стенку подземного перехода, а другой водя перед собой, как слепой, чтобы не наткнуться на что-нибудь или на кого-нибудь. Дойдя до конца перехода, он беспомощно остановился, прислонился плечом к стенке, не зная, что ему теперь делать. Леонид мучительно старался вспомнить, сколько поворотов между домами и в какую сторону их надо делать, чтобы дойти до дома. Но голова болела до того сильно, что он не мог даже сообразить по какой лестнице подняться из перехода на улицу: левой или правой. Он чуть различал смутные очертания проходивших

мимо людей, слышал незнакомые голоса и не понимал, о чем они говорят. Проходившие мимо двое полицейских обратили на него внимание, подошли к нему и один попросил Леонида «дыхнуть» на него.

– Нет, вроде непьяный, – сказал он напарнику.

– Сердце? – спросил второй полицейский. – Так у меня и валидол, и даже нитроглицерин есть. А то можем машину скорой помощи вызвать. С вами такое в первый раз случилось?

– Нет, – с трудом выговорил Леонид. – Ничего не надо, спасибо вам.

И чтобы отвязаться от патруля соврал:

– У меня так бывает: закружится голова, примешь таблетки, – и он похлопал себя по нагрудному карману пиджака. – Постоишь немного, и все проходит, надо только подождать и отдышаться. Если нетрудно, выведите меня наверх из перехода и подскажите, в какой стороне (он назвал адрес), и на том спасибо.

Полицейские помогли ему подняться по лестнице и рассказали, как дойти до дома, который он указал, а скорую по рации все-таки вызвали. Леонид слышал, как они переговаривались между собой и решали, что предпринять: «Да ты посмотри на него, совсем плох, нельзя его так вот здесь оставить. Закуривай, будем ждать скорую». Молодой человек категорически не хотел в больницу: впрочем, как и почти все молодые люди, и надеялся, что вскоре действительно голова

перестанет кружиться и он станет все четко видеть, но веры в это у него было мало: уж больно сильно прихватило.

И вдруг он услышал знакомый и такой желанный голос Зои:

– Что случилось? Почему его задержали?

– Мы его не задерживали, – оправдывался полицейский тот, что повыше ростом. – Он идти не может, вот мы и вызвали «скорую», ждем.

Зоя посмотрела на Леонида, тот отрицательно помотал головой.

– Мой дом в трех минутах ходьбы отсюда, рядом с его домом. Я доведу его, спасибо вам за помощь, – сказала Зоя.

– А вы кто ему будете?

– Невеста.

Полицейские недоверчиво посмотрели на девушку и принялись звонить, отменять вызов скорой помощи.

С большим трудом Леонид и Зоя добрались до его дома.

Он сразу же повалился на кровать.

Она присела на край кровати, положила ему мокрое холодное полотенце на лоб и стала делать массаж головы.

Леонид начал медленно приходить в себя.

– Спасибо за помощь и за «невесту», – выговорил он.

Видя, что он уже может разговаривать, Зоя сказала:

– Вот и побывала у тебя в квартире. Ладно, потом дифирамбы петь будешь, а теперь рассказывай, что случилось.

Только теперь это была не та нежная девушка, которой он

назначал свидания и даже один раз поцеловался, а строгий врач-психиатр Зоя Петровна.

Леонид рассказал, что произошло, и что он узнал мужика, который ударил его по голове тогда в сквере, при ограблении. Вера надолго задумалась и затем серьезным голосом произнесла:

– Надо серьезно обследоваться. Я могу устроить это в нашей больнице.

– Во-первых, у меня завтра доклад на ученом совете по теме, над которой работал не я один, а коллектив сотрудников, а я был руководителем этой работы, и занимались мы ею два года; во-вторых, чтобы ты поняла важность мероприятия, эта тема и составляет суть моей диссертации, и если все удачно, то я получу должность старшего научного сотрудника; в-третьих, в научном мире, как и в любом творческом мире, всегда много оппонентов, а проще завистников, недоброжелателей, а говоря еще проще – врагов. И последнее: если ты забыла, то напоминаю, что я работаю в научной организации, и любой даже намек на психушку приведет к моему личному краху, я уж не говорю о коллективе, который со мной работал, – медленно и абсолютно четко выговорил Леонид. – Да и голова уже почти не болит.

– Ты будешь обследоваться амбулаторно: приходите и после обследования уходить домой, – предложила Зоя.

– Нет! Это большой риск: можно случайно встретить знакомого, сослуживца, их родственников, да мало ли что мо-

жет произойти.

– Ладно, пока тебя оставляю в покое, но сама иногда буду приходить к тебе, чтобы узнать, как ты себя чувствуешь и принимаешь ли лекарства. И имей в виду, что муж-шизофреник мне не нужен, – уступила, улыбаясь, Зоя. – Второй ключ от квартиры я оставляю себе. Где у вас аптека?

Она вернулась через полчаса, рассказала, как принимать лекарства и в каких случаях срочно звонить ей и убежала на работу. Почему-то особенно болезненно воспринял Леонид слова о шизофренике. «Правильно, не соглашайся лечь в больницу», – прозвучало в голове. Молодой человек обернулся по сторонам и, никого не увидев, решил, что померещилось.

На следующий день доклад проходил гладко, и аудитория уже начала зевать, всем казалось, что положительное голосование уже гарантировано. Только у Леонида с середины доклада начало появляться чувство безразличия к тому, что он говорит, и наконец тема стала ему полностью безразлична, но не по сути, а потому что докладывает он ее, вроде как, только открывая рот, и произносит сами звуки, а говорит за него некто. Молодой ученый замолчал, прислушался: нет, все тихо. И вдруг начал опровергать все, что он говорил до этого момента, затем вновь замолчал. Промелькнула мысль – чья? – «Не о том ты говоришь, вспомни Зою», – и Леонид Семенович начал говорить о звездах и о любви, а далее понес такую несурязицу, что аудитория слушала, замерев с широко

раскрытыми глазами. Затем неожиданно он стал читать стихи о любви известных поэтов. В зале для докладов стало твориться что-то невообразимое: крик, звук падающих стульев, кто-то крикнул: «пожар» и «неотложку надо вызвать»... Это был первый приступ надвигающейся болезни, которая ждала своего проявления с его рождения.

Очнулся Леонид в больничной палате и над ним склоненное лицо Зои:

– Ты пропал на два дня. Пришлось идти в твой НИИ, так что не напрягайся и не старайся рассказывать: я все знаю. Сегодня же добьюсь перевода тебя в нашу больницу. Все, отдыхай.

Его перевели в тот же день. В палате было коек двадцать, и все они были заняты. Народ был тихий и с виду вроде как заторможенный. Леонид вспомнил маму и подумал: «Накачали всех таблетками».

На следующее утро на обходе пришла Зоя. Настоящий строгий врач в белом халате и с тонометром в нагрудном кармане.

– Голова не болит? – спросила она. – Ты сейчас можешь говорить?

Леонид утвердительно кивнул головой:

– Могу.

– Я опросила твоих сотрудников, так что как это выглядело со стороны, я в общих чертах знаю, – сообщила Зоя. – Но хотелось бы услышать от тебя, как ты себя чувствовал на

собрании или как там это у вас называется, о чем думал, делая доклад. И как сам-то считаешь, твои мысли это были? И до какого момента помнишь те события?

– На шизофрению намекаете? – спросил Леонид, переходя на вы, и добавил: – А что? Не надо маму ездить навещать, ведь она здесь же в этой больнице!

– Не горячись, Леня, тебе надо сначала обследования пройти: все-таки несколько лет назад удар по голове был, и ты терял сознание, да и недавние события. А диагноз? Он и от тебя зависит, насколько ты будешь откровенен со мной и все ли будешь мне рассказывать. У тебя же не полный распад личности! Значит, диагноз я могу поставить только с твоей помощью! Ладно, отдыхай завтра и начнем.

«А ведь она подсказала мне, как можно избежать диагноза шизофрении и остаться для окружающих нормальным человеком, сохранить работу в НИИ, а дальше жить как смогу, – подумал Леонид с кривой усмешкой. – Спасибо ей, конечно, но Зою я потерял, теперь она для меня вновь Зоя Петровна – лечащий врач мой и моей мамы, можно сказать, семейный психиатр».

– Пойдем, парень, покурим, разговор есть, – сказал один из лежащих в палате: поживший уже мужчина и, судя по всему, имеющий некоторый опыт в психиатрических делах.

– Слышал я твой разговор с врачихой, – сказал пациент, – Значит, не хочешь психиатрического диагноза?

– Кто же его хочет, – ответил молодой человек.

– О!.. Есть такие и немало. Например, инвалидность, пенсия, льготы, отмазка от армии или уголовного дела... все и не перечислишь. Тебя-то почему диагноз волнует? – спросил мужик.

– Просто хочу, чтобы никто не знал, если вдруг диагноз нехороший поставят, и считали меня нормальным, как и они все.

– А «они все» ты думаешь нормальные? – философски произнес мужик. – Все люди, так или иначе, психически с отклонениями, только в психиатрическую больницу не попадали, вот и диагноза у них нет! Ну да ладно, слушай сюда! Мне-то все равно, больной ты или нет, а к совету прислушайся – вдруг поможет. Здесь всех пациентов глушат психотропными пилюлями, и через неделю-две ты уже будешь до того заторможенный, что сам на все вопросы откровенно врачу ответишь. Отказаться от приема лекарств нельзя: насильно впихнут и водой напоят, чтобы проглотил.

– А что же делать? – наивно спросил Леонид.

– Слушай, что скажу, – уверенно сказал мужик, и чувствовалось, что он был в своей стихии. – Лекарства дают в определенные часы: по графику. Глотаешь, выпиваешь стаканчик с водой и показываешь раскрытый рот медсестре. Так вот, как время приема лекарств подходит, ты старайся среди первых очередь занять, махнешь колеса – сунь их под язык или между губой и зубами и открой рот для осмотра. Все надо делать быстро и как бы с большим желанием, тогда и сестра

ничего не заподозрит и не полезет к тебе в рот пальцами – психология, брат. Всегда срабатывает, если только ты не тяжелый больной, а ты внушаешь доверие. После этого сразу в туалет к урне или к открытому окну и все быстро выплевываешь.

– И что все так делают? – спросил молодой человек.

– Не все. Есть те, которые на самом деле верят, что их вылечат – наивные, а есть те, кто не выплевывает в унитаз, а для каких-то своих целей накапливает пилюли, пряча их куда-нибудь. Учись, парень, пока я жив, – рассмеялся мужик. – И вот еще помни, что дежурные медсестры все докладывают лечащему врачу: и про лекарства, и про то, как ел и спал, как разговариваешь с другими пациентами. В общем, все. Среди медперсонала – заруби себе на носу – у тебя друзей нет и быть не может, как бы ласково с тобой не общались.

– Спасибо за науку!

Мужик выкурил еще одну сигарету и добавил:

– В палате двадцать человек: заснуть, да еще и выспаться невозможно. Есть у тебя кто-нибудь, кто бы принес тебе снотворное? Если спать не будешь, то сразу поймут, что лекарства ты не принимаешь.

– Нет, никого у меня нет.

– Ладно, помогу с этим, но, само собой, не безвозмездно, а еще покажу, какие из таблеток, которыми тебя пичкать будут, снотворные, может, успеешь отложить и сохранить, пока во рту не размокли, но это опасно: заметить могут.

Уже четвертый день Леонид находился в больнице. Как-то в палату зашла медсестра – молодой человек читал книгу – и с интересом спросила:

– Что вы читаете?

– Так, валялась какая-то книжка в коридоре на подоконнике без обложки и первых страниц, – ответил он.

– Интересно?

– Ну, в общем-то, да, – ответил Леонид.

На следующий день на утреннем приеме лекарств заметил, что ему добавили какую-то синюю таблетку, и сразу все понял: «Значит, сестра доложила лечащему врачу, что я еще способен сосредотачиваться, вот и добавила та снотворную или расслабляющую таблетку. Прав был мужик: никому из медперсонала верить нельзя, как бы они с тобой ни ворковали».

За следующие три дня Леонид прошел все обследования и снова никаких патологий обнаружено не было. Тем не менее, болезнь прогрессировала: если тогда на докладе он слышал только один голос, то теперь их было несколько, и они начинали изматывать его нервную систему. Хотя надо сказать, что с некоторыми из них он беседовал и на очень интересные темы. Его всегда удивляло, что все голоса были одинаковые и были его собственным голосом. Когда заходил спор, то получалось, что спорил он сам с собой. Еще через неделю пришли коллеги навестить его. На все их вопросы о болезни он отвечал:

– Перетрудился, истощение нервной системы. Вот отдохну и снова примусь за работу, у меня и мысли уже новые накопились.

Зашли сотрудники и к лечащему врачу узнать о Леониде, но та только подтвердила истощение нервной системы. Да и что она могла сказать: чувствовала, что он многого не договаривает и выглядит очень издерганным и измученным, но ничего ей не рассказывает.

– Я же вижу, что тебя что-то мучит. Голоса? – спросила она как-то Леонида. – Я же помочь тебе хочу, мы же друзья.

– И друзьями мы когда-то были, и Зоей я вас когда-то называл. А теперь я – пациент, а вы мой лечащий врач Зоя Петровна, – раздраженно ответил молодой человек. – Может и есть что, да вы ничего нового от меня не услышите: голова не болит, отдохнул, патологий нет. Выписывайте!

– Замучаешься ведь один и опять к нам попадешь, я же догадываюсь, что у тебя в голове творится.

– Нет! Лучше покончу с собой, а в психушку больше не пойду, – тихо сказал Леонид. – Только если маму навещать буду. К вам заходить не буду: не нужен я вам такой.

– Завтра выпишу, но навещать тебя иногда разрешишь? Ведь нечужие уже мы с тобой. Так, по крайней мере, я считаю, – сказала Зоя, разведя в стороны руки от бессилия.

Леонид ничего не ответил, но и второй ключ не спросил.

Голоса к этому времени действительно извели Леонида, стараясь каждый на свой лад руководить его действиями. Он

уже с трудом понимал, что делает по своему желанию, а что – по их. Да и понятие «по их» было крайне условно: ведь в голове у Леонида звучал или звучали его собственный голос или голоса.

Перед уходом сотрудников Сергей (тот самый друг Леонида) зашел к нему и, подав ему бумагу сложенную вдвое, сказал:

– Прочитай и подпиши с открытой датой. Заместитель директора по научной части лично просил, сказал, что ты все сам поймешь. Дату поставят, когда ты выпишешься из больницы.

Леонид прочитал бумагу, ею оказалось его заявление об увольнении по собственному желанию... «Все! Теперь я потерял все: и невесту, и работу».

После выписки из больницы молодой человек анонимно посетил частного платного психиатра. Предварительно договорившись, что нигде ничего зафиксировано не будет, рассказал ему все: и про ограбление, и про подземный переход, и про свой доклад на собрании, и про больницы, где он побывал, и как он там якобы лечился – в общем все.

Павел Валентинович (так звали психиатра) выслушал внимательно, не перебивая и лишь задавая короткие вопросы по существу, и наконец сказал:

– То, что у вас шизофрения, надеюсь, вам ясно, причем не в легкой форме, а уже запущенная: третьей, а возмож-

но, и четвертой степени, точно сказать не могу, так как надо пройти обследование в психиатрической больнице. Однако то, что болезнь прогрессирует, однозначно: сначала один голос, потом несколько голосов, слуховые галлюцинации (дополнительный замок в дверь комнаты не зря поставили). Находитесь вы в зоне риска, а именно: нехорошая наследственность от мамы, бред (вспомните, что произошло на ученом совете во время вашего доклада) и наконец, окно – мысли о суициде. Я выпишу вам лекарства, в том числе и психотропные, будете принимать их и хотя бы иногда приходите ко мне на консультацию. Если лекарства принимать не будете, то можете ко мне не приходите: ничем помочь не смогу. И еще советы: у вас не должно быть свободного времени – вы всегда должны быть чем-то заняты, и никакого алкоголя.

Итак, Леонид задремал на кровати и вдруг какое-то слово, произнесенное кем-то, заставило его вскочить.

– Что ты сказал вот только что? Да нет, перед этим? Нет, еще раньше. О чем вы все сейчас говорили и спорили? Ну-ну, напрягись, вспоминай! – кричал кому-то, а может, и самому себе Леонид. – О церкви? О Боге? Что-то совсем рядом.

Он напрягся до такой степени, что голова, казалось, сейчас треснет и разлетится на кусочки.

– Есть! – вдруг прохрипел он в изнеможении. – Душа!

И стал с хрипом говорить вслух, чтобы все «они» тоже

слышали:

– Если мое «я» и душа одно и то же, то чем вас голосов больше или чем больше места вы занимаете в моей голове, тем уменьшается мое «я» – моя душа, и в конце концов я как тварь Божья совсем исчезну! – уже не говорил, а кричал он. Нет! Не будет этого! Я сохраню хотя бы частицу своего я!

И он направился к окну. Сразу же раздался страшный визг. Его хватали за руки, за плечи, он упал, но продолжал ползти к свету. Его уже хватали за ноги, пытались оттащить от окна, но с трудом он все-таки продвигался вперед. Наконец он добрался до цели, собрал все оставшиеся силы, открыл окно и вскочил на подоконник. Так, держась за раму и стоя на краю жизни, он безумными глазами смотрел вниз на асфальтовую дорогу. «Один шаг – и я останусь человеком навечно», – подумал он, с трудом стоя на краю окна. Он поднял голову вверх, вроде как прося прощения у кого-то, и вдруг увидел ясное ночное небо, сплошь усыпанное звездами. «Вот также в гармонии со всем миром спокойно и уверенно жить бы на этом свете, как это звездное небо! Оно было до меня и будет после меня. А мир все-таки прекрасен! Господи, за что мне такая судьба?»

Вдруг послышались удары: взламывали дверь в комнату, и послышался отчаянный голос Зои:

– Ломайте же быстрее, – кричала Зоя. – Леонид, не надо, вдвоем мы справимся, ты вылечишься, у нас все получится! «Зоя? Любовь?.. Психушка! Мама! Овощ!.. Н-е-е-т!» –

последнее, что подумал он и с блаженной улыбкой, глядя на звезды, шагнул в вечность.

Когда дверь комнаты распахнулась, на подоконнике никого не было.

Полнолуние

День ушел куда-то на запад. По эту сторону горизонта была ночь. Я сидел за столом напротив окна, подперев голову ладонью. Небо закрывали облака, мир своим мраком прижался к стеклам окна, не было видно ни зги. Чувство одиночества, усиливаясь в такие часы до невообразимой тоски, захватило меня. Неясные образы возникали и исчезали в голове, меня клонило ко сну, но в дремоте я все-таки пододвинул к себе карандаш и бумагу...

И вдруг вой, одинокий и отчаянно безысходный, заставил меня поднять слипающиеся глаза. Небо разъяснилось.

Полнолуние...

Появление луны было неожиданным в этой беспросветности. Ее свет как будто призывал все живое встрепенуться от отчаяния и объединиться в своем одиночестве. Уравнивала ли луна в правах всех, не обращая внимания ни на природную иерархию, ни на социальный статус, ни на возраст и амбиции, я не знаю, но все мы были сейчас ее детьми и ее сиротами – сиротами подлунного мира. Может быть, только под луной мы можем... нет, не ощутить, а только приблизиться к ощущению единства с этим миром и друг с другом – единства одиноких душ.

Шло время, я заворуженно слушал этот вой, обращенный

ввысь, и понимал, что в это мгновение, глядя на небо, я вижу то же, что и тот, кто воет. Не сразу, но я стал различать интонации, чувства и почти понимать, что хотел выразить голос. Это были мысли без слов, это было состояние души – одиночество, понятное всему живому. Голос говорил о праве занимать свое, именно свое место во вселенной и указывал на несправедливость и скоротечность этого мира. Мысли и чувства входили в меня, становились моими, и в душе я уже готов был тоже обходиться без слов. Лунный свет и одинокий вой показывали мне путь к пониманию того, что есть вокруг меня вечного и непреходящего, и того, что есть в нем конечного и брэнного. Я увидел этот мир в его гармонии белого и черного, в его холодном свете и космическом мраке, без начала и конца. Отодвинув от себя бумагу и карандаш, я вслушивался в звуки ночи.

Второй... третий голос... затем еще и еще; с разных концов поселка присоединялись воющие голоса.

Что-то подтолкнуло меня встать, выйти на улицу. Я обогнул дом на западную сторону, где была видна луна, подвинул под себя опрокинутое ведро и сел.

Я стал осматриваться вокруг и прислушиваться. Голоса начинали казаться мне родными. Я пропускал эти звуки через себя, и мое сознание, постепенно проникалось их гармонией. Мир становился для меня все более и более простым и понятным; все становилось естественным; я стремительно растворялся в природе с ее бесконечной и такой род-

ной сущностью. Мысли рождались во мне и уходили, уступая место другим мыслям; сразу несколько мыслей одновременно возникало в голове; они не пересекались и не путались, каждая жила самостоятельной жизнью, ведь они были без слов. «Присоединиться к этому действию, стать его частью! Но как?» Я вслушивался в этот многоголосый вой и старался понять законы мышления всего живого в целом. Несколько раз я пытался начать выть, но то хрипы, то повизгивания сбивали дыхание. Я снова прислушался к вою собак и снова постарался понять, что же делает их вой таким естественным, простым и понятным.

Необъятный и завораживающий мир звуков, запахов и образов предстал передо мной. Вдруг, поняв что-то важное, а скорее, почувствовав какими-то новыми для меня чувствами, я сел на землю на задние лапы, поднял морду к луне, вытянул шею, выпрямил хвост по земле и... ЗАВЫЛ.

Мой голос звучал чисто, сильно и проникновенно. Голос отражал состояние моей души и звучал в унисон с ней. Простые и доступные всем ноты рассказывали миру обо мне лучше миллиона слов – слов, которые, по сути, оказались бы ложью. На глазах выступили слезы – нет, не одиночества, покинутости и забвения, а слезы радости – радости бытия.

Теперь уже я понимал, что вой – это... ИСПОВЕДЬ, которая обнажает душу перед всеми и, главное, перед самим собой, ничего не прося и не жалуясь, вой – это... МОМЕНТ ИСТИНЫ, это интимное общение с вселенной.

Удивительно, насколько долго хватало мне воздуха: только изредка я прерывался, чтобы снова сделать глубокий вдох. В моем голосе отражалась вся моя жизнь: радость рождения, детство, первое свидание и познание, грусть о невозвратных годах и радость жизни... все было в моем крике – я оголял душу.

Вскоре голоса смолкли...

Теперь уже я был в полном одиночестве. Я был самозабвенно; понятия времени и пространства для меня уже не существовали, да и себя я перестал ощущать как такового, как единица, как существо, принадлежащее этому миру, я растворился полностью, без остатка в этом лунном свете, в этом пространстве и в этом времени. Я был счастлив – счастлив вообще.

Постепенно собаки стали собираться в отдалении от меня, прижимаясь к противоположной стороне улицы, пролегающей рядом с забором. Они подходили осторожно, словно крадучись. Вторая... пятая – наверное, все, что были в поселке. Они собрались вместе и, как мне казалось, с удивлением смотрели на меня и... слушали.

Но вот одна за другой собаки начали присоединяться к этой песне. Все мы были на разные голоса, и души наши изъясляли себя в соответствии с собственными колебаниями... Голоса сначала случайно, но затем все чаще и чаще стали переплетаться и сливаться друг с другом и наконец слились в грустную единую песню – песню одинокой и отчаявшейся

ДУШИ.

Не сразу, но наши души зазвучали в унисон, и единый голос понесся по просторам космоса; все стало вибрировать и расплываться и наконец потеряло свои первоначальные очертания. Исчезло все, был только голос – голос, заполнивший собой самые дальние и потаенные уголки мироздания; это уже не были голоса земных существ, слившиеся воедино, – это был голос самой вселенной, колебания ее ДУШИ...

Вдруг облака закрыли луну, и все смолкли. Я медленно стал подходить к забору; я чувствовал всех их, стоящих за забором, родственными душами. Подойдя совсем близко, я разглядел... О, Господи! – глаза-то, глаза были человеческими... За каждой парой глаз была своя судьба, своя жизнь и свое одиночество. Я стоял и не мог оторвать взгляда...

Мысль о том, что я не один в этой ночи, мелькнула у меня. Как сказать по-собачьи «Кто вы?», я не знал. Собаки еще немного постояли, повернулись и медленно скрылись в переулках поселка.

Грустно и не спеша, просеменил я к дому.

Я лежал на кровати и размышлял о своей судьбе и уже начал дремать, как раздался телефонный звонок. Я взял в руку телефон. «Алло, алло!» – в трубке молчали, замолчал и я. Почему-то мне вспомнились «человеческие глаза», и я собрался спросить: «Кто вы?» Раздались короткие гудки, и я заснул.

Утром я проснулся рано. Солнце приветливо освещало поселок. Я вышел из дома, подошел к забору, по дороге машинально поставив на место перевернутое ведро. Я стоял и смотрел на дорогу за забором и пытался что-то вспомнить. Я увидел, как поселковая собака пробежала мимо, прижимаясь к противоположной стороне улицы и оглядываясь на меня. И вдруг я весь встряхнулся от кончика носа до кончика хвоста, как будто стряхивал с себя воду...

«Почудилось», – подумал я.

Вернувшись в дом, я с удивлением обнаружил на столе листки бумаги с этим рассказом.

Вот только с того самого дня я часто стал гулять по поселку, осторожно заглядывая прохожим в глаза, ища встречи с теми самыми – «родственными душами».

Бесы. Огни большого города

Спустя время молва гласила совершенно противоположное: одни говорили, что этого не могло быть по причине невозможности быть наяву и полной несурзости, по сути; другие охотно верили в то, что все было именно так, как и рассказано.

Местный дворник с неприлично красно-синим носом утверждал, что во всей этой истории нет ничего удивительного, и что он видел чертей не раз, и что от белой горячки сейчас очень даже легко лечат. Лифтерша утверждала, что видела, как черт дважды входил в лифт, но ни разу из него не выходил. Соседка слева рассказывала, что после этого случая лифт на их этаже перестал останавливаться. А сосед выше божился, что лифта в их доме вообще никогда не было, как и самой лифтерши. Участковый подал рапорт по инстанции, что с того самого дня не может заснуть по ночам, так как из местной лечебницы раздаются крики «Камаринскую...» и затем нечеловеческое «Не-е-е-т!!!», и просил перевести его на другой участок, приписав в конце рапорта: «Навеки Ваш». Сантехник в свою очередь объяснял все тем, что, мол, бросают всякую пакость в унитаз – оттого и все безобразия происходят!..

Так или иначе, но все началось еще с ночи.

В центре стоял большой дубовый стол. Впрочем, в центре чего? – было непонятно. Уж так водится у нас: раз стол, так обязательно в центре и обязательно, чтоб дубовый. Ну, в центре, так в центре. Вся картина напоминала Тайную вечерю, вот только за столом сидели... черти. Сколько их? – сосчитать было невозможно, оттого что все было как-то неопределенно. В центре всей компании сидел седой черт с чертовски мудрым выражением морды; один рог у старца был обломан. Черти пили водку: наливали стакан за стаканом, не чокаясь и без тостов. Тянули грустную песню: «...а пошла бы я по воду да к реченьке, ах ты доля моя одинокая, ах одна я сиротинушка...» Черти любили хорошую музыку, за которую считали ту, от которой хотелось... либо повеситься, либо, на худой конец напиться. И если бы не озорные и со злым блеском глаза чертей, то можно было и взгрустнуть, и всплакнуть вместе с ними. Пили, всеми силами изображая дружное застолье. На самом деле, каждый из них был сам по себе, и если уж и объединялись когда, то только по необходимости, если обстоятельства того требовали. Впрочем, и пьянеть им не полагалось по природной их натуре. Повод? А не было повода – так, без повода, как и у смертных частенько бывает, – мол, традиция.

Старый черт, что с отломанным рогом, вдруг встряхнул головой, огляделся и громко крикнул:

– А не сплясать ли нам? Что мы все о судьбе, да о доле нашей чертовой?

Черти не заставили себя долго ждать: повскакивали дружно и, ухватившись за стол со всех сторон, передвинули его, освободив центр.

– «Камаринскую!» – крикнул старый черт.

И все подхватили:

– «Камаринскую», «Камаринскую»!

Черти вступали в центр с «выходом» и с криком «Эх!» Они подскакивали, вертелись, пускались впрысядку, прихлопывали себя по телу в разных местах, а то, вдруг пускались вкруговую, на ходу ставя копытца то на пяточку, то на носок. Каждый пытался переплясать других, и оттого, что каждый плясал сам по себе, картина представлялась настоящим шабашем. А уж когда кто-то выскакивал из дико извивающейся толпы вперед и со злобной улыбающейся мордой приветливо разводил лапы широко в стороны, приглашая присоединиться к пляске, и затем снова нырял в самую середину, то у наблюдавшего мурашки пробегали по спине, хотелось укусить чью-нибудь пятку и полностью мутилось в голове.

Уже невозможно было понять не то что, где лево, а где право, но и где верх, а где низ. Все смешалось: и «Камаринская», и «Цыганочка», и «Русская», и «Перепляс». Дело было дрянь... что особенно нравилось чертям.

Вдруг все расступились, освободив середину, и стали

неистово орать:

– Покажи, старый, как надо, покажи свою, коронную!!!

Старый черт неторопливо, с достоинством, надел на голову косыночку, завязал края под подбородком, взялся указательными и большими пальцами лап за края косынки, растопырил остальные пальцы веером, локти широко развел в стороны и остановился в самой середине, приготовившись.

– «Калинку»! – раздалось со всех сторон.

Тихо и задушевно потусторонний голос, набирая силу, запел:

– Спа-а-ать положи-и-те-э вы-ы-и ме-е-э-э-ня-я-а-а...

Старец пошел по кругу, делая по два шажка то левой ногой вперед, то правой и со значением повиливая и играя бедрами... Поражало, как хорошо он знал и исполнял все телодвижения танца. Видно было, что танец доставлял ему истинное удовольствие. Однако природное его телосложение, данное ему то ли Господом нашим, то ли их Сатаной, придавало всему чертовски уродливый вид, но поражало и... захватывало.

Когда же грянул куплет:

– Калинка, калинка, калинка моя... – старый закружился волчком, держа платочек в вытянутой вверх левой лапе, и все снова бросились плясать. Тут и там из беснующейся своры выскакивали то козлиные ноги с копытами, то волосатые лапы с когтями, и, то там, то тут мелькали злые, с безумным блеском, глаза чертей и слышалось многоголосое:

– Ай, люли-люли...

И вдруг... старый остановился, потупил голову, согнул в коленке одну ногу и вытянул вертикально другую, на несколько мгновений замер, сделал бедрами несколько резких движений вперед-назад, держась правой лапой за причинное место, и пошел как бы вперед, но на самом деле назад – лунной походкой Майкла Джексона!!!

Дальнейшее не поддается описанию никакими словами, и можно только заметить, что... пахло луком и квашеной капустой!!!

– А-а-а-а-а-а!..

Вакханалия была в самом разгаре...

Небо на востоке уже начало светлеть, как неожиданно послышался гул мотора приближающейся машины. Гул приближался быстро и вскоре превратился в настоящий рев, заглушая музыку и вопли чертей.

Вся картина начала блекнуть и таять.

Старый черт перестал плясать, лапы его плетями повисли вдоль тела, и мысли его оборотились в прошлое: «Эка напасть! А ведь было время – на тройках, да с колокольчиками», – и он произнес: «Эх, тройка! Птица-тройка... понеслась, понеслась, понеслась!.. Русь, куда ж несешься ты?.. Чудным звоном заливаается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух...»

Наконец, рассеялся в предутреннем тумане и старый черт.

Петя очнулся в то прекрасное предутреннее время, когда случайно проснувшиеся граждане с удовольствием поворачиваются на другой бок и снова засыпают. Звезды уже гасли, но были еще вполне различимы. Тишина была пронизана той перевозданной красотой и гармонией, которая бывает, когда рождается новый день.

Он попытался сконцентрировать взгляд, но все вокруг было расплывчато и зеленоватого цвета; почему-то было сыро только справа, как будто он попал под дождь только правым боком и промок им, этим самым боком, насквозь. Впрочем, он быстро сообразил, что лежит именно на правом боку. Голова сильно болела, во рту было сухо и противно. Вода была рядом, под боком, и он, недолго думая, хлебнул холодной полным ртом. Вода была странного вкуса, отдавала тиной и бензином. Не успев проглотить, молодой человек вдруг почувствовал некое шевеление во рту и сразу же выплюнул все, что хлебнул. Что-то серо-зеленого цвета шлепнулось рядом с его лицом и, недовольно квакнув, исчезло из поля зрения. Однако пить все же хотелось, и он осторожно втянул в себя воду, сложив губы «трубочкой», подождал, не зашевелится ли опять, и... проглотил. Замерев, он с блаженством ощущал, как животворящая влага, проникая во все члены его тела, возвращала их к жизни.

Придя немного в себя, Петр снова попытался сконцентрировать взгляд и опять увидел зеленоватую пелену. Это зеленоватое было настолько близко от него, что навести на рез-

кость глаза было никак невозможно.

«Да где же я, черт побери?» – в сердцах подумал он.

– Ну не надо, не надо так нервничать, уважаемый... Петр Сергеевич. Вы, любезнейший, в канаве, – раздался дружеский и располагающий к себе голос.

– Как это – «в канаве»? Опять? – растерянно и еще надеясь, что ему послышалось, спросил молодой человек.

– А вот так, натурально-с, в канаве-с! – уверенно и со значением ответил голос.

Петя, наконец, повернул голову влево и на фоне Большой Медведицы увидел человека, сидящего на обочине дороги.

– Да, действительно, опять в канаве, – озадаченно произнес он и внимательно стал разглядывать незнакомца. Ничего особенного в нем не было: среднего роста, худощавый, одет прилично, но как-то несовременно. Бородка похожа на козлиную. Глаза постоянно бегали; противная и, можно сказать, гадкая улыбочка не сходила с его губ; руки он постоянно держал в карманах. Шляпа была надета набекрень и как бы висела на чем-то с одной стороны, что мешало ей опуститься и принять свое естественное положение.

«Если бы еще хвост, то точно мне черт привиделся!» – подумал Петр Сергеевич.

– Давайте не будем – понапридумали: хвост, рога... копыта, еще скажите, – с деланным возмущением произнес человек на обочине.

«Точно, черт, – подумал Петя. – Тьфу меня!»

Он вдруг ясно услышал стук приближающихся каблучков и попытался закричать, но вышло шепотом, и то осипшим: «Женщина, женщина», – звук каблучков затих, несколько мгновений была полная тишина, затем каблучки стали быстро-быстро удаляться.

– Ну хорошо, давайте будем пугать прохожих, давайтеждемся полиции, пусть узнают на работе, что вы ночуете в канавах. Вы этого хотите? Да? – спросил человек на обочине.

– Нет, – потупив взгляд обратно в канаву, тоскливо проговорил Петя.

– А как мне вас звать? – уже смиряясь, спросил он.

– Зовите меня, ну... например брат – пойдет? И можно на «ты».

– Пойдет. Брат, помоги встать, – поняв свою беспомощность, ответил Петя.

Минут через ...дцать, под ручку, как говорится, держа ручку крендельком, они добрались до дома. Хозяйка, у которой Петя снимал комнату – сам-то он был из провинции и приехал в центр «покорять» большой город, – охнула, покачала головой и сказала:

– Костюм-то я приведу в порядок, а только вы, Петя, по кривой дорожке идете.

– Какой сегодня день? – спросил он с надеждой.

– Да суббота, суббота! Успеете еще в себя прийти. И опустите руку, наконец, что это вы все, подбоченясь, стоите? – ответила хозяйка.

«Значит, не видит того, который меня привел», – подумал он.

Когда дверь в комнату захлопнулась, незнакомец, оглядевшись, вдруг предложил:

– А давайте, Петр Сергеевич, выпьем... водки! Поправиться, так сказать, а то на вас просто лица нет.

Чувствовалось, что обращаться к Пете по имени-отчеству доставляло новому знакомому особенное, но, похоже, какое-то ироническое удовольствие. Петя никак не мог взять в толк: издевается он над ним или нет?

– Не-е-е, я только вино, и только один стакан, – возразил он.

«Ну-ну!» – усмехаясь, подумал про себя то ли черт, то ли брат, в общем – незнакомец, а еще проще – гость.

– Один, так один, – сказал гость. – А я – водочки! – На столе появилась бутылка вина и бутылка водки.

– Ну что? Со свиданьем? – сказал гость, выпил стакан водки одним глотком, после чего, крякнув, стал наблюдать за своим собутыльником.

Молодой человек выпил медленно, преодолевая отвращение к какому-либо виду алкоголя вообще, а заодно и к самому себе. Выпив, он прислушался к себе; гость тактично молчал. Закрыв глаза и замерев, не ставя стакан на стол, Петр подождал, пока теплая волна окутает голову, снимая похмельную боль, затем разольется по телу от живота к рукам и ногам. Только после этого, как бы очнувшись, он поставил ста-

кан на стол все еще дрожащей рукой.

Видя, как лицо молодого человека краснеет и оживает, гость быстро и уверенно предложил:

– Вдогоночку?

– Не, я только один стакан.

– Чтобы уж совсем прийти в себя, еще только один стаканчик, да и не водка это, а всего-то вино, – мягко, но убедительно сказал гость. – С него сильно не захмелеешь, а так, слегка только, как говорится, для здоровья.

С этим Петр спорить не стал и покорно снял ладонь со своего стакана, разрешая налить себе.

Махнули по второму, гость снова крикнул и произнес:

– Эх, хороша водочка, хороша – чисто роса.

Дрожь в Петиных руках уже совсем утихла. «Где-то я слышал уже эти слова», – подумал он и вспомнил, что так в его детстве говорил его дядя, возвращаясь по воскресеньям из бани, уже сильно поддатый. «Николай принес, – вспомнил он слова дяди, – и умеет же стервец делать водочку, просто кристалл, ну чисто роса. Как говорится: что для себя делал!»

Вспомнил молодой человек, что алкоголь в первый раз попробовал, только приехав в центр и устроившись на работу в одну из фирм. Отец то у него не пил вообще, и праздники встречали всегда дружной семьей и без алкоголя. В их провинциальном городишке пьянство было позором не только самого пьющего, но и его семьи. Да и на виду все были: город то маленький. В центре жизнь другая: то корпоративы, то в

ресторане вечером после работы посидеть, то на шашлыки в выходной куда-нибудь выехать. К тому же в большом городе людей встречаешь один раз в жизни, и стыдиться, что тебя вчера пьяным видели, когда домой добирался, не перед кем.

«Ты, Петя, белой вороной не будь, – сказал ему как-то его непосредственный начальник. – И свои провинциальные замашки брось. А то, как укор, нам всем получается: ты, мол, праведник, а мы грешники. Будь грешником, иначе нигде не приживешься. Сели за стол – так выпей, уважь». И действительно, после второй и провинциальность пропадала, и общаться становилось легко, и казалось, что к тебе даже прислушиваются, и что ты наравне со всеми.

«Все-таки, где же я видел его, этого «гостя»? – задумался Петя. – Ведь определенно что видел раньше. Но где?»

– А я вам, Петр Сергеевич, подскажу, – неожиданно произнес гость.

– Откуда же вам знать, о чем я думаю? – снова переходя на «вы», спросил тот удивленно.

– Да так уж, знаем-с, однако, – с ехидцей сказал гость и спокойно пододвинул к молодому человеку наполненный стакан.

– Ну? – с нетерпением спросил Петр.

– Сначала махнем, а то без стакана вам, Петр Сергеевич, трудно будет уразуметь, – сказал гость, сделав ударение на слове «вам».

Молодой человек уже начинал хмелеть после двух стака-

нов, но, будучи, как говорится, «на вчерашних дрожжах» и подумав: «Всего-то вино!» – выпил и третий. Гость, опрокинув свой стакан водки, в очередной раз крикнул и сказал:

– Ох и хороша!

– Так я вас слушаю, – напомнил Петя.

– Не вас, Петр Сергеевич, не вас, а тебя! – назидательно сказал гость.

– Конечно же, тебя, тебя! Так где мы раньше могли встретиться? – спросил молодой человек, стараясь никак не обращаться к гостю.

– Так на том же самом месте-с, где и сегодня, у той же канавы, – охотно начал гость, – сегодня я ведь вам, любезнейший, Петр Сергеевич, в третий раз помог выбраться из канавы. В первый раз вы очнулись в канаве после того, как водки перебрали и пытались на автобусе доехать до своего дома. Вы, Петр Сергеевич, тогда как на фирму-то поступили, быстро к водочке-с пристрастились и вскорости принимали хоть и немного, но каждый день после службы. Сами за собой такой манер заметили и решили ограничиваться двумя рюмками. Корпоратив тогда был, разгулялись вы, ну и решили, что с третьей рюмки ничего не случится. В результате вы, любезнейший, напились, извините, как небезызвестное животное. В автобусе вас развезло, билет вы покупать отказались, начали громко выражаться: мол, едете по служебной надобности и билет вам не положен. Вот водитель и высадил, а точнее, вытащил вас из автобуса и аккуратненько так поло-

жил на обочину. А уж в канаву вы-с, Петр Сергеевич, сами-с и скатились. А уж как очнулись, так мы с вами в первый раз и встретились. Тоже, знаете ли, на рассвете.

– Так это ты помог мне в тот раз до дому добраться? – спросил Петр.

– Точно так-с, я и помог-с, хоть вы этого и не помните, – с готовностью ответил гость.

«Странно, – подумал Петр, – черт, а не все знает». На самом деле он помнил тот корпоратив – в честь дня создания фирмы, но только помнил его начало: первые минут 30-40. Он тогда решил выпить не две, а всего одну рюмку: налить сразу ее полную и потихоньку отпивать из нее с каждым тостом. Выпив сгоряча ее «до дна» после первого же тоста, который произнес глава фирмы, Петр был вынужден налить вторую. Через три-четыре тоста пришлось налить третью рюмку, и далее границы дозволенного стали быстро расплываться и исчезли совсем. Впрочем, что было дальше, Петр действительно не помнил.

Гость опять пододвинул к Пете стакан, и тот, покорно выпив и даже не обратив внимания, выпил ли гость, приготовился слушать дальше.

– Во второй раз вы оказались в канаве, когда вас водитель вытолкнул из такси. Вы опять же ехали домой, но теперь уже после того, как посидели с друзьями в пивном баре. Вы тогда решили, что раз уж вам хочется каждый день принять, то пусть это будет одна, ну максимум две бутылочки пива...

На этот раз вы поехали в такси, чтобы теперь-то уж наверняка добраться до дома. В такси же вы начали отчаянно икать, и таксист испугался, что вы испоганите-с салон... И опять же, извольте заметить: вы очнулись на рассвете. В этом у вас удивительное постоянство-с, Петр Сергеевич. Так мы снова встретились на рассвете, и, опять же, было ясное небо и видны были звезды. И далась вам эта Большая Медведица? – закончил рассказывать гость.

– Да-а-а! Провалы в памяти-с, провалы! – добавил гость.

И этот случай Петр помнил и помнил опять же только начало. Они заказали по две кружки пива. Оно оказалось теплым. Возмутились. Принесли еще по две, оставив, как подарок от бара, теплое на столе... А затем была водка.

Петр уже не подставлял свой стакан, а сам регулярно наливал себе вина – бутылка удивительным образом не заканчивалась.

– У вас странная речь, – снова переходя на «вы», сказал молодой человек.

– Извольте, любезнейший, объясню, – с готовностью подобрался гость. – На классике воспитаны-с, на классике: Гоголь, Достоевский... В отличие от вашего поколения терпеть не могу всякой мистики: ведьм, вампиров, зомби и прочее – тьфу, гадость какая!

– А сегодня-то что?

– А сегодня, в общем-то, тоже ничего оригинального не было, – продолжил гость. – Накануне вы решили, что, раз

уж с пива тянет на водку, перейти на сухое красное вино. С него, мол, и на водку не тянет, и врачи говорят, что красное полезно пить каждый день. Ну, так после очередной бутылки сухого вина вы и оказались опять в той же самой канаве. На этот раз вы решили дойти до дома пешком, но... сил не хватило.

– И заметьте-с, мой друг, я ведь за вами не ходил, под локоть вас не толкал, из-за левого плеча не нашептывал, а просто сидел и ждал на этом самом месте, у этой самой канавы, – сказал гость, с усилием изобразив на лице непогрешимую честность.

– Откуда же ты знал, черт тебя дери, что будет именно так? – спросил Петр.

– Все просто, уважаемый, все просто, – охотно ответил гость. – Ты думаешь, что идешь своим и только своим путем? Нет! Дорожка к канаве задолго до тебя протоптана!

– А я брошу! – твердо сказал Петр.

– Нет, Петюня, от алкоголизма в одиночку не убежишь. А в большом городе что? – Никому ты не нужен, – гость самодовольно и с горящими глазами наливал себе очередной стакан.

Пете почему-то вспомнился недавний телефонный разговор. Он тогда неожиданно для себя набрал номер домашний номер. Раздались длинные гудки. Что он хотел сказать, он и сам не знал. В трубке послышался до боли родной голос:

– Алло, алло! Ничего не слышу, алло, – произносил отец.

– Алло, алло!.. – повторял он опять и опять.

И тут Петю прорвало:

– Пап, это я, Петр.

– Петя, Петя, это ты? Ты же по воскресеньям всегда звонишь, а сегодня еще четверг. Случилось что? Вон у матери сердце ноет со вчерашнего дня. Мать, слышь, Петя звонит. Как там у тебя, Петя? – скороговоркой выговорил отец.

– Пап, плохо мне здесь, устал я страшно, – проговорил Петр, и глаза защипало от слез.

– Ну и плюнь ты на эти огни большого города, возвращайся. Работа и у нас в городе найдется. Возвращайся, а? Вот и мать рядом стоит, тоже говорит: «Возвращайся». К деду в деревню съездишь, проведешь старого, да и отдохнешь, выспишься на сеновале.

И такое родное близкое растеклось по душе Петра, что потянуло его домой, туда, где его всегда ждут самые любимые люди.

– Па, да не могу я, – сквозь слезы проговорил Петя, – у меня работа, там трудовая книжка! И кредит я взял...

– А хочешь, скажу, что дальше будет? – продолжил гость, гадливо улыбаясь. И, не дожидаясь ответа, начал говорить:

– В конце концов, начнешь бутылочкой пивка поправляться перед работой, в обеденный перерыв бегать пивка попить. Как-нибудь придешь на работу в темных очках, чтобы синяк под глазом скрыть. А на каком-нибудь очередном кор-

поративе напьешься так, что будешь кричать, что уволишь всех. А затем, весь в долгах за наемную квартиру, со стаканом в руке, будешь сидеть у компьютера и рассылать резюме, ища очередную работу, а затем...

Петя сразу же вспомнил, что в темных очках ему уже приходилось выходить на работу, и закричал в отчаянии:

– Стоп, хватит! Иди к черту! Я не алкоголик! – голова начала кружиться, мысли путались.

– Да подожди ты, подожди, не надо так кричать, – сказал гость, – я еще не закончил. Успокойся и закрой глаза на минуточку.

Петя, как в гипнозе, подчиняясь словам гостя, закрыл глаза. Он ощущал свое «я» и в то же время видел себя со стороны... Он падал спиной вниз – быстрее, быстрее, быстрее... Весь сжался в ужасе; падение казалось ему бесконечным; вот-вот, еще немного – и остановится сердце, не выдержав напряжения, и... он очнулся. Он лежал и боялся открыть глаза: боялся увидеть... Большую Медведицу и снова проснуться в канаве. Наконец, запах, похожий на аптечный, немного успокоил его, и он медленно стал открывать глаза. Вокруг все оказалось белым: потолок, стены... «Больница?» – мелькнула мысль, и, повернувшись на другой бок, он затих. Виделся ему длинный коридор и отец, стоящий рядом с человеком в белом халате.

– Сегодня к нему еще нельзя, – сказал лечащий врач, – и вот что я хотел сказать вам... – Отец молча выслушал слова

доктора и, сгорбившись и как-то сразу постарев, медленно и устало пошел по длинному больничному коридору.

Петя снова закрыл и открыл глаза. Гость стоял на том же месте и с любопытством смотрел на Петю. Глаза Пети медленно стали наливаться кровью.

– Так ты на белую горячку намекаешь? – злобно и тихо спросил он гостя.

– А что? Ты думаешь, это так уж невозможно? Ошибаешься, Петя, ошибаешься! Стоит два-три дня воздержаться после хорошего подпития, и поползут «постенные», – ответил тот.

– Я не алкоголик и запоев у меня нет! – выкрикнул Петя и стал с угрозой надвигаться на гостя, перекрыв тому путь к двери.

Черт, не ожидая такого поворота дела и видя решительность Пети, стал отступать все ближе и ближе к стене и, упершись спиной, стал блекнуть, все более и более превращаясь в мираж; цветочки на обоях проявлялись сквозь его тело все четче, и, наконец... он растаял совсем.

В дверь постучали.

– Петя, у тебя все в порядке? – раздался голос хозяйки.

– Все нормально, – сказал он, лихорадочно ища что-то вокруг себя, – просто сон плохой приснился, Марья Федоровна.

– Костюм-то сними, дай почищу.

Он ничего не ответил и упал на кровать. В голове крути-

лось: «Это сон! Сон!» Провалился два дня – до вечера воскресенья. Очнулся оттого, что его мутило и сильно болела голова. Что-то показалось ему не так, как будто чей-то взгляд непрерывно следил за ним. Уличный фонарь создавал в комнате полумрак. Петр привстал с кровати, оглянулся вокруг, прислушался и, ничего не заметив, с облегчением повернулся набок, закрыл глаза и... вновь почувствовал на себе чей-то взгляд и тут же услышал слабый звук, похожий на постукивание. Он весь сжался и, медленно-медленно протянув руку, включил ночник возле кровати. Он снова оглядел комнату и уже готов был снова облегченно вздохнуть, как неожиданно заметил какое-то пятно на стене. Он встал с кровати, осторожно подкрался к стене, и... мурашки пробежали по всему его телу. На стене сидел паук, и его ножки постоянно шевелились и отстукивали копытцами какую-то очень знакомую дробь. На месте паучьей головы была голова черта. Черт был в той же шляпе и смотрел на Петю. Брюхо паука было непомерно раздуто и шевелилось, как будто кто-то елозил внутри него.

В бешенстве Петя бросился к стене и хлопнул ладонью, со всей силы по гадкому существу. Брюхо лопнуло, и брызги разлетелись по стенам комнаты на множество мелких паучков, заменивших собой цветочки на обоях. Пауки ползали по обоям и каждый раз, встречаясь друг с другом, произносили «Здрасьте», и именно через мягкий знак, отчего слово звучало особенно противно. Злые глаза чертей со всех сто-

рон смотрели на Петю. Слышались голоса:

– «Калинку», «Камаринскую»...

Вдруг все застыли на месте, смолкли, и непонятно откуда послышался тонкий жалостливый голосок, пропевший тенором:

– Полюби же ты-и-и ме-э-э-ня-а-а, – долго вытягивая последний звук.

Нервный тик страшно исказил лицо Пети. Он схватил первое, что попало под руку, – это был мокрый ботинок – и стал соскребать в него со стены пауков. Но те тут же вылезали из ботинка и по его рукам расползались по всему его телу. Отчаявшись, он издал вопль, упал на пол и закрыл глаза. Ему виделась его комната; по стенам что-то шевелилось, мелкое и уже почти не противное, – он начинал смиряться с судьбой... и голос – знакомый голос, с издевкой, но уверенно повторял и повторял: «Нет, Петюня, в одиночку не выкарабкаешься...»

В дверь стучались, раздавались голоса, но Петр уже ничего не слышал.

– Не-е-е-т!!! – собрав последние силы, крикнул он. Вспышка озарила комнату, и «мелкие» рассыпались по стенам и потолку бесчисленными звездами; стены комнаты и потолок раздвинулись до бесконечности. Петя уже не ощущал своего тела. Остатки его разума в одиночестве блуждали в холодном и безжизненном космосе. Его взгляд скользил по незнакомым созвездиям. Он стал закрывать и открывать

вать глаза, и каждый раз виделось ему разное: то белые стены, то небо сквозь дырявую крышу сеновала, то его фирма, где за столами сидели черти, и вся их работа заключалась только в том, чтобы произнести «Здрасьте!», когда кто-нибудь входил; все постоянно улыбались – глупо и заискивающе; постоянно слышалось: «любезнейший, милостивый государь, сударь, извольте заметить...»; глава фирмы в шляпе, надетой набекрень, и с полотенцем, перекинутым через руку, обращался поочередно ко всем, постоянно повторяя: «Чай пить будете?» – и... кланялся, кланялся. А то вдруг он стремительно поднимался к незнакомым созвездиям, и с высоты ему все казалось мелким и незначительным... Постепенно звезды сложились в созвездия, знакомые с детства. Петр задумчиво стал рассматривать небосвод, вспоминая их названия. Взгляд его задержался на Большой Медведице. Он стал вспоминать, что если провести мысленно линию через две крайних звезды ковша, то можно найти Полярную звезду. Вдруг холодок пробежал по спине; он стал лихорадочно ощупывать вокруг себя и... вздохнул облегченно:

«Сеновал!»

«Приснилось?»

Когда, наконец-то, вскрыли дверь, то оказалось, что в комнате никого нет и все затянуто паутиной и покрыто пылью...

Симбиоз

Вынужден пояснить, что, хотя рассказанное мной и основано на реальных событиях, все персонажи вымышленные. Все совпадения с реальной жизнью являются случайными, и все реальные лица, взятые за прототипы персонажей, не имеют никакого отношения к нижеизложенному, как, впрочем, и автор, который, как и вы, с удивлением читает и перечитывает то, что сам же и написал.

Часть 1.

Какова же была моя радость, когда через неделю лук проклюнулся, взошел и еще через неделю – вытянулся и окреп. Я был горд, звал соседей посмотреть: это был мой первый опыт по выращиванию чего-либо на даче. Я наметил себе начать есть лук, когда он достигнет 32,3 см. Так я вычитал в Интернете на сайте «Их нравы» – чьи нравы имелись в виду, я так и не понял, но решил следовать этому совету.

Линейкой один раз утром, в одно и то же время, и один раз вечером я измерял высоту лука. Путь, по которому я пошел, оказался не таким простым, каким казался мне в начале. Мало того, что высота лука оказалась разной, да и еще у каждой луковицы оказалось, по несколько стрелок. Когда

я заглянул в Интернет на сайт «Удивительное рядом», мне стало ясно, что дело это вероятностно-статистическое и надо подойти к нему со всей серьезностью. Дальнейшее понятно только специалистам в этой области, и я не буду описывать все тернии, которые ждали меня на этом пути.

И вот, наконец-то, настал день, когда решение системы дифференциальных уравнений однозначно намекнуло, что приблизительно через два–три дня, с вероятностью 87,7%, если все будет идти так, как шло до этого, если не появятся какие-либо внешние воздействующие факторы, если колебания атмосферных показателей будут соответствовать среднестатистическим за последние 15 лет наблюдений и – что уж никак мне непонятно – если цены на нефть и курс валюты не изменятся более чем на 3–5%, и – уж вообще понять невозможно – если мировая добыча апатитов не упадет ниже... и т.д. В общем, при прочих равных условиях – тогда можно начать есть лук!!!

Наконец-то! Я был вне себя от радости.

Дня за три до этого замечательного события обстоятельства вынудили меня выйти из домика где-то в полчетвертого утра. Конечно же, пошел посмотреть и грядки. И был поражен! Посередине грядок было два холмика! «Крот!!!», – сразило меня, как молнией. Вот тебе и внешние возмущающие факторы, на которые намекала математическая статистика! Сон как рукой сняло – тут же засел за пересчет математической модели, учел кротов, на всякий случай ввел поправ-

ки на тлю, муравьев и гусеницу-листовертку. Вспомнил вчерашнюю передачу по радио о золотовалютном запасе страны и добавил вероятность того, что добыча золота не упадет.

Компьютер напрягся, попросил подключить дополнительный диск и к 6 утра выдал: кроты лук не едят!!! Радости моей не было предела. Но!.. Через полчаса ПК добавил, что каждая норка снижает урожайность на 3,4%. На следующее утро холмиков было уже семь – надо было что-то экстренно предпринимать.

Как-то, долгими зимними вечерами изучая сельское хозяйство средней полосы РФ и прилегающих к ней областей, я вычитал, что кроты ведут ночной образ жизни и ловить их надо на рассвете. Я еще не знал, что буду делать, но точно знал, что делать это буду на рассвете.

Ночь, луна, готовящаяся стать полной, рассвет, готовый вот-вот забрезжить, я, неподвижно сидящий в позе куста жасмина, комары – сволочи, соседи – спят.

Когда вдруг на грядке появился еще один холмик, я растерялся: «Ну, вот он, и что дальше?» – пронеслось у меня в голове. И тут мне, почему-то вспомнилась система Станиславского и его знаменитое «Не в-е-р-ю!!!». И я издал дикий, почти нечеловеческий вопль, вложив в него всю свою душу, всю боль обманутых надежд. Вопль шел откуда-то из глубины – нет, не души, а из глубины веков, из самих глубин и таинств эволюции; он шел на частоте, понятной всему живому, кто таковым себя считает – и не только здесь, но и

во вселенной; вопль как будто приоткрывал таинство мироздания. Все это пронеслось в моей голове без слов и за долю секунды: «Эк меня занесло!!!»

Из холмика выглянул крот. В его взгляде было столько тоски и сочувствия о несбывшихся мечтах, о несложившейся жизни и, в конце концов, о ее конечности, что я вдруг осекся и умолк. В полной предрассветной тишине мы глядели друг на друга недоуменно, но уже почти дружески. Минуты через две крот, повертев лапкой у левого виска, снова исчез в норке.

Еще через мгновение силы покинули меня, и очнулся я только днем в своей кровати, с севшим голосом и весь укушенный комарами.

Вспоминая события той ночи, я до сих пор удивляюсь... но не тому, что зрение у кротов практически отсутствует, как я узнал позже, – я и сам еле различал его в сумерках – и не тому, как я добрался до кровати, и не приснилось ли это все мне, а тому, что... больше кроты на моем огороде не появлялись.

Часть 2.

Итак, прошло уже две полных луны. Приближалось третье полнолуние. Утром накануне мне не спалось.

«Грядки!» – мелькнуло в моей голове. Подбежав к огороду, я увидел два холмика.

«Может, случайность?» – подумал я и решил понаблюдать, что же будет дальше. Оказалось, что каждые четыре часа количество холмиков росло – 2, 3, 5, 7!

«Простые числа!» – подумал я. Но эта мысль ничего, по сути, мне не дала.

Поняв ещё в прошлый раз, что математическая статистика и вероятностный анализ дают только краткосрочный результат, и поблагодарив небеса за то, что мне ещё не пришлось использовать теорию больших чисел, я вызвал такси и съездил в ближайший поселок за отпугивателями кротов. О них я узнал ещё зимой в Интернете, на сайте «Готовим вместе», но, сказав себе: «Шарлатанство», – выкинул эту информацию из головы. Теперь же отпугиватели представлялись мне единственным и последним шансом.

В соседнем поселке в магазине «Всё от симбиоза» я купил целый ящик этих приборов.

Зная следующее число из ряда простых чисел, я не пошел смотреть грядки, а уткнулся в руководство пользователя. До следующего нашествия кротов у меня было ещё 37 минут. Сколько ни пытался я разобраться, кто же «Пользователь», – я или кроты, – так и не понял. Особенно не понравился мне раздел «Осложнения». А слова «беспокойство», «раздражительность», «апатия», «паника» и вовсе сбили меня с толку. А уж когда я прочитал «Пропадает перхоть», то вообще перестал что-либо понимать. Я отложил руководство, вставил батарейки и воткнул приборы по всему огороду.

Когда приборы заработали все разом, я удивился, причем тут беспокойство и раздражительность. Первое, что я почувствовал, – это чувство тоски по квартире в Москве, где раздражение вызывает только один вопрос: когда отключат горячую воду?

– Действует! – сказал я себе и с лицом человека, вырвавшего яму другому, засел в кустах. До полной луны времени было много, и я решил не терять его и, как говорят актеры, «почувствовать сцену», на которой предстояло разыгаться действию, а заодно и слиться с ландшафтом.

Дальнейшее вспоминается мне как-то нечетко и отрывочно.

– Па, – позвал отца маленький Лу. Лу был детенышем кролиной семьи. Па особенно любил его. Когда Ма сообщила, что беременна, что «их» будет 8 и что один из них уж, наверное, будет мальчик, Па очень обрадовался и лазил по норам, гордо вытянув голову вперед. Малыша назвали Лу. Он рос здоровым, впечатлительным и очень любопытным. Уже через месяц после появления на свет Лу (на какой «свет» – что я пишу?) Па уходил якобы на охоту, хотя запасов еды было много, чтобы отдохнуть от назойливых вопросов маленького Лу.

– Что тебе, Лу? – отозвался отец.

– А что это там, за забором, появилось? – спросил Лу.

– Ты о чём, Лу?

– Я хотел только узнать, что там, за забором, а там «они»: длинные и черные, их много, и все они поют. И поют каждый сам по себе. Получается очень противно, и сразу же начинает болеть голова, – сказал маленький Лу.

– Я же запретил тебе туда ходить, – проворчал Па. – Там живет человек, с которым мы уже встречались, когда ты ещё не родился... Впрочем, расскажу об этом как-нибудь в другой раз, уже поздно, иди спать. На рассвете мы соберем совет и посмотрим, что это такое.

– И Шамана надо пригласить, – уже во сне проговорил Лу.
– Устами младенца... – задумчиво сказал Па, – да, растут дети, растут... Ох и бежит время.

Они появились на рассвете. Я сидел в кустах и уже полностью слился с ландшафтом. Их было шесть. Один был с хвостиком, тронутым сединой.

«Шаман», – каким-то чувством понял я. Шаман переходил от прибора к прибору, подолгу прислушиваясь около каждого, остальные молча шли за ним.

– Дрянь дело, ребята, – сказал Шаман. – Ну-ка, встали все в круг, положили лапки друг другу на плечи, круг не размыкать ни в коем случае, – твердым, приглушенным, с хрипотцой голосом произнес Шаман.

Когда вся эта вакханалия начала двигаться, поднимая поочередно левую лапку направо, а правую – налево, кружась

вокруг одного из отпугивателей, у меня волосы встали дыбом, и я понял наконец-то слова из «Руководства»: «пропадает перхоть». Хорошо, что дня за два я подстригся, волосы были короткие и не выдали мое присутствие.

Прилетела ворона. Она села на ручку садовой тележки и стала пытаться размотать с ручки изоляцию. Все обернулись. Я тоже.

– Д-у-у-ра! – с чувством растягивая букву «у», сказал Шаман. – Не отвлекаться, держать круг! – И вакханалия продолжилась, но закружилась уже в другую сторону.

Я был одновременно зачарован, удивлен и поражен происходящим на моих глазах. Может быть, я единственный из смертных, кому довелось (хотел написать «посчастливилось», но решил, что это спорный вопрос) увидеть такое. Я, как и прежде, затаил дыхание и замер, хотя поза «ландшафта», как я теперь понял, была выбрана опрометчиво – к расцвету земля остыла, и я уже продрог, как говорится, до костей. Но любопытство было столь велико, что мой пытливый ум решил выдержать все лишения и досмотреть до конца.

Вскоре появилась самка какого-то ночного зверька, в сумерках я не смог различить, кто.

– Д-у-у-ра! – в сердцах крикнул Шаман. – Кому сказал – не отвлекаться! Продолжаем.

Прошло еще какое-то время, напряжение нарастало. Появились кошки с явным намерением пропустить всю эту вакханалию через свой желудок. Танец замер, кроты повернули

головы в сторону врага и...

– Д-у-у-у-ры!!! – во весь голос крикнули все разом – все, кроме Шамана. Это был крик пяти душ – зловещий и предупреждающий. Глаза у кошек стали квадратные, шерсть торчала ключьями, хвосты вытянулись, как палки, горизонтально земле. Огни святого Эльма начали гулять с головы до хвоста кошек и обратно. Когда свечение стало нестерпимым для глаз, они вдруг рассеялись. Шаман, молча постояв некоторое время, поднял тяжелый, но одобрительный взгляд.

– Правильно... быстро схватываете. А теперь сосредоточились, продолжаем, уже скоро. Его «уже скоро» напрягло меня ещё больше, и, уже ничего не соображая, я замер в ожидании.

Предрассветная мгла сгустилась над нами, бледная луна освещала место действия, кроты в молчаливом танце сиртаки, деревья и кусты хаотично отбросили тени в разные стороны, ветер стих, электросчетчик стал крутиться медленнее, колокол на кафедральном соборе отбил один раз. Все ждали, нервы напряглись до предела, и эта струна готова была лопнуть. Время остановилось.

Раздался страшный гром, и молния расколола безоблачное небо. Я взглянул на кротов, они стояли молча, опустив головы, и казалось, что они молятся про себя каким-то своим подземным богам, уходя мыслями глубоко, глубоко к центру земли.

И вдруг я увидел, что прибор, вокруг которого они молились, медленно начал погружаться в землю и, в конце концов, полностью исчез из вида. Прикинув убытки, я все-таки выдержал это испытание и решил во что бы то ни стало дожидаться развязки.

Кроты, не размыкая круг, пятясь, окружили следующий прибор, и все началось сначала. Но когда молния снова разверзла небеса и собаки в поселке разом завыли на мертвенно-бледную луну, я не выдержал.

– Бр-ы-ы-ы-сь! – раздался мой вопль, как всегда, из глубины души и от чистого сердца, не несущий в себе ничего личного, но не предвещающий кротам ничего хорошего. На мгновение воцарилась мертвая тишина. Собаки смолкли, погасли фонарные столбы, редкая птица застыла в полете, отключили горячую и холодную воду, на 7,5% повысили коммуналку, пропала сеть – от 2G до 4G, пыль – и та застыла в воздухе, струя воды из распыскивателя в саду замерла неподвижно.

Кроты бросились врассыпную. Я же успел в последний момент схватить рукой прибор, который уже начал погружаться, и выдернуть руку из мгновенно схлопнувшейся земли. Я стоял, пораженный увиденным, и смотрел на свою чудом спасшуюся руку и на прибор в ней.

Прошло время.

Белье, развешенное на веревке на соседнем участке, плавно и нехотя колыхнулось, потек кран с холодной водой (на-

до бы как-нибудь отремонтировать), звякнул мобильник... Мир вокруг потихоньку восстанавливался. И только собак я не слышал после этой ночи ещё где-то с неделю.

Я проснулся уже за полдень. Солнце окутало мир своим радостным и жизнеутверждающим светом. Настроение было прекрасное; в руке я держал, прижав к уху, спасенный отпугиватель. Я слушал и упивался звуками, исходящими из него. Мне слышалась симфония победы человека над природой. Звуки были не постоянные, а через какие-то промежутки времени.

«Наверное, передают только припевы и пропускают куплеты», – подумал я и, сказав себе: «И все-таки...», – нежно взглянув еще раз на прибор, снова забылся в радостном сне.

Грустно и молчаливо они ползли друг за другом. Вся семья. Первым Па, последним плелся маленький Лу. Они покидали обжитое место. Что их ждет впереди?

– Па, а почему мы уходим, почему мы не можем жить рядом с людьми? – спросил Лу.

Па обернулся, с любовью и печалью посмотрел он на маленького Лу.

– Не отставай, впереди ещё долгий и трудный путь, – только и сказал Па.

Они затерялись где-то на равнинных просторах нашего дачного поселка. Дальнейшая судьба их мне... неизвестна.

Вот только с тех самых пор каждое полнолуние выхожу я на рассвете в огород в надежде увидеть хоть один холмик. Душа одинокого дачника просит... симбиоза!!!